

Владимир Беляев

**Башня
говорящего осла**

Владимир Беляев

Башня говорящего осла

«Издательские решения»

Беляев В.

Башня говорящего осла / В. Беляев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909407-0

История современного мальчика, попавшего в параллельный мир, где волшебство — в порядке вещей. Приключения, погони, колдовство, юмор. Обаятельным злодеям противостоят честные волшебники, не желающие обращать своё искусство на службу коварным правителям.

ISBN 978-5-44-909407-0

© Беляев В.
© Издательские решения

Башня говорящего осла

Владимир Беляев

© Владимир Беляев, 2018

ISBN 978-5-4490-9407-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. О снах

Костя учился во втором классе. Как всякому порядочному второкласснику время от времени по ночам ему снились страшные сны. Ну, например про то, как отвратительный детина огромного роста гонится за Костей и орет вдогонку: «Стой! Убью! Кому сказано!» Или про то, как Костя приходит купаться на море, а там ни с того ни с сего шторм до самого неба и все тонут. Много всякой разной дряни снилось второкласснику Косте. Костя просыпался после кошмара весь в холодном поту и одновременно огорчился и радовался. Огорчился, потому что опять приснилась дрянь вместо хорошей вещи, а радовался, потому что дрянь оказалась всего лишь сном, а не всамделишной дрянью.

Костина мама любила поболтать о снах, рассказать свои и послушать чужие, а папа только сердился и говорил, что и так дел навалом и нечего обсуждать всякую чепуху.

Мы с Костиным папой спорить не станем, а лишь скажем, что однажды Косте приснился необычный кошмар. С этого сна наша история и начинается. Если бы этого сна не было, может быть, и нашей истории не случилось бы.

Косте приснилось, что он лежит на своей кровати в своей комнате, собирается заснуть, но ничего не получается. Костя пытается встать, чтоб пойти на кухню и съесть конфету, и опять ничего не получается – руки и ноги не слушаются. Костя пытается позвать маму, но и в этот раз ничего не выходит – рот не хочет раскрываться. И Косте остается только лежать и глядеть, что происходит вокруг. А вокруг как назло ничего не происходит. Вот такой отвратительный сон снится ребенку. Мало того, вдруг к кровати подходят два человека, и их очень плохо видно, хотя зрение у Кости, когда он не спит, великолепное. Видно только, что один толстенький и лысенький, а другой долговязый, с длинными белесыми волосами. Долговязый все время мерзко хихикает, а лысенький просто противно улыбается.

– Да... Так вот вы какой, Костя... – говорит лысенький толстячок.

– Костя? Хи-хи!.. Ничего себе имечко: Костя! Такое, хи-хи, и не запомнишь! – говорит долговязый волосатик

– Обыкновенное имя, – отвечает лысый. – Самое обыкновенное. А вот мальчик необыкновенный.

– Хи-хи! Да! Мальчик не простой, – соглашается волосатый и тут же спрашивает: – Так что делать-то с нашим принцем будем?

– Пока ничего, – отвечает толстый. – Еще не время. Пусть их высочество пока пребывает в неведении относительно своего происхождения.

– То есть как это «ничего»? – возмущается волосатик. – Что же мы просто так сейчас возьмем и уйдем? Зачем же мы в такую даль тащились? Просто поглядеть на него?

– Тс-с! Ребенок просыпается. Пойдемте, мой друг, дорОгой я вам все объясню...

И эти темные личности исчезают, а Костя просыпается. Ему очень неприятно, что по его спальне ночью разгуливает непонятно кто, и, скажем честно, Костя немного напуган. А кто бы на его месте не испугался? Лично я после такого сна целый год боялся бы ложиться в постель,

даже днем. Но Костя мальчик смелый и поэтому через несколько минут он снова мирно засыпает. А утром он вспоминает свой неприятный сон и на всякий случай спрашивает маму за завтраком:

– Мама, а правда, что я необыкновенный?

– А как же! – отвечает мама. – Ты самый необыкновенный мальчик из всех, кого я знаю. Ешь!

– А правда, что я их высочество принц? – задает Костя второй вопрос маме.

Но в этот раз мама не хочет отвечать серьезно.

– Значит так, принц, – говорит она. – Все нормальные принцы давно поели и бегут в школу. Один ты не можешь доесть свою несчастную кашу.

И Костя доедает несчастную кашу и идет в школу, во второй класс «Б», изучать науки.

Глава 2. О том, как из замученных училок получаются прекрасные принцессы

Марина Викторовна была пренесчастное создание.

Она закончила училище и пошла в школу преподавателем музыки. Как раз в ту школу, которую посещал Костя. Учительница из Марины Викторовны вышла неважнецкая, даже непонятно почему. В училище она была самой лучшей, получала одни пятерки и одни четверки. Пела замечательно. На пианино играла еще лучше. Детей любила. А вот учительницы из нее не получилось.

Сначала дети вели себя на ее уроках как положено: записывали аккуратно в тетрадки ноты и слова песен, а затем что было мочи распевали их под фортепьяно. Но затем ученики смекнули, что Марина Викторовна – чересчур добрая и слишком хорошо себя вести на уроке музыке вовсе не обязательно. Они перестали записывать в тетрадки ноты и стихи песен, а стали рисовать всякие смешные картинки. А после и вовсе перестали брать на урок тетрадки, чтобы не таскать зазря тяжести. Когда Марина Викторовна просила класс спеть песню, положенную по школьной программе, пели всё, что угодно, только не требуемое. Кто-то – модную мелодию из телевизора, кто-то – что-нибудь собственного сочинения, например: «Тру-ля-ля, тру-ля-ля, бумс-бумс-бумс!», а у кого вовсе не было фантазии, просто шлепал губами для красоты. Самые усердные ученики пускались в пляс между партами.

И что удивительно, даже распримерные отличники на уроках Марины Викторовны превращались в клоунов, дикарей и вредителей. И чем лучше ученик занимался по другим предметам, тем отвратительнее вел он себя на занятиях по музыке.

Надо сказать, что кабинет музыки располагался на отшибе, в цокольном этаже, рядом с подсобными помещениями. Так, видимо, было задумано для того, чтобы своим прекрасным пением школьники не отвлекали других школьников от более серьезных занятий: математики, химии и истории. Коллеги Марины Викторовны редко заглядывали на цокольный этаж, и поэтому руководство школы понятия не имело, что за кавардак творится у него под носом, в музыкальном классе. Тем более, что Марина Викторовна по благородству души не ябедничала на своих злых учеников, а наоборот – ставила им только хорошие оценки. А раз так, думало руководство, значит с музыкой в школе все в полном порядке, и нет нужды устраивать всякие глупые проверки.

В общем, пока руководство радовалось своим педагогическим успехам, Марине Викторовне становилось все хуже и хуже. У нее пропал аппетит и нарушился сон, она стала заикаться и пугаться прохожих на улицах, особенно школьного возраста. Она и года не проработала в школе, а чувствовала себя так, как будто уже десять лет беспросветно копает руду на каторге.

Для себя она твердо решила, что никогда в жизни не заведет детей, а ежели ненароком и заведет, то немедленно отдаст их в детский дом.

...Стояло погожее апрельское утро. Вовсю пели птички и волнующе пахло сиренью. Люди выходили из своих тесных жилищ на работу, и тотчас же озабоченные житейскими трудностями лица растягивались в улыбке – до того на улице было хорошо. Старики вдруг начинали понимать, что они еще ого-го, а никакие не старики. Людям среднего возраста казалось, что не все еще потеряно и все еще будет восхитительно. А тот, кто и так был молоденький, и вовсе не знал, на какое дерево залезть, от нахлынувшей радости.

И среди этой всеобщей молодости, цветения, щебетания и подпрыгивания медленно двигалась унылая сгорбленная фигура. То была Марина Викторовна. Она плелась на урок. Если бы рядом с ней шли стражники с ружьями, то можно было бы подумать, что ее ведут на расстрел.

Марина Викторовна размышляла, что она пропащий человек, раз даже во втором «Б» ее ни в грош не ставят. Она вспоминала свой последний урок во втором «Б».

Сначала все шло хорошо, если не считать, что Волков и Медведев на спор плевались через трубочку бумажными шариками в портрет великого композитора Мусоргского, а толстуха Виолетта Подоконникова разлеглась на столе, подложив под голову портфель, и жалобно стонала: «Ой, не смешите меня, помираю!» На такие пустяки и внимания-то обращать не стоило. Затем Марина Викторовна села к фортепьяно и класс запел «Мой Лизочек так уж мал, так уж мал...» Пели кто в лес, кто по дрова, нарочно не попадая в ноты, голоса делали грубыми, какими-то осипшими, словно тут не урок пения, а матросская пирушка. Но и это можно было бы преспокойно вынести. А потом чудный белокурый ребенок Валера Горбушкин забрался на заднюю парту, сложил ладошки одну на другую перед грудью, закатил глазки и чистым дискантом, достойным хора Виктора Попова затянул:

Мой Маринчик так уж мал, так уж мал!

И тут Марина Викторовна не выдержала. Она бросилась к наглецу, чтобы треснуть его указкой по голове. В руках у Валеры откуда-то появилась длинная линейка, и он, как мушкетер, парировал несколько ударов педагога. Марина Викторовна попробовала хлестануть Горбушкина по ногам, но тот по-мушкетерски подпрыгнул, и указка вхолостую просвистела над партой. От бессилия Марина Викторовна швырнула указку в задремавшего в уголке Севу Прадедушкина, выбежала из класса, спряталась в девчачьем туалете и разревелась.

И теперь, когда Марина Викторовна шла на работу и вспоминала свой последний урок, ей снова хотелось плакать. Она села на скамейку и неожиданно сказала себе: «Ни в какую школу я не пойду. Пусть меня с позором выгоняют, пусть сажают в тюрьму, морят голодом, пытаются связанную, я туда больше не пойду!» И от этих собственных слов ей стало легко-прелегко на душе. Она услышала пение птичек и почувствовала запах сирени. Сутулая спина распрямилась. Страдальческое выражение исчезло с лица. Марина попробовала посмотреть на солнце, зажмурилась и улыбнулась. Она снова была молода и красива, как и положено двадцатилетней девушке. В это время мимо Марининой скамейки шел иностранный принц и влюбился в Марину Викторовну.

Не подумайте, что в нашем маленьком черноморском городке принцы – явление обычное. Просто это был не совсем нормальный принц. Вместо того чтобы сидеть себе спокойно на троне и раздавать слугам приказы, принц закончил мореходную школу и стал плавать на корабле штурманом. Отец король был даже рад такому повороту, потому что дворец у них был тесноват, а чем меньше народу, тем больше кислороду. И вот штурман-принц приплыл в наш городок на танкере за нефтью.

И только он приплыл, как загремел в больницу с приступом аппендицита. В больнице ему сделали образцово-показательную операцию, хотя даже не догадывались, что он – принц. Сделали и отпустили на все четыре стороны. И сейчас принц шел на железнодорожный вокзал

купить билет домой, так как танкер не стал дожидаться своего захворавшего штурмана и потихонечку поплыл в родимое королевство, где все очень ждали нефти.

И вот прооперированный принц с первого взгляда влюбился в Марину Викторовну. Он подсел к ней на скамейку и стал говорить о погоде и обо всем таком, о чем положено говорить влюбленным принцам. Потом они поели мороженого, покатались по морю на прогулочном теплоходе и решили пожениться.

А в то самое время, когда принц звал Марину Викторовну замуж, завуч Светлана Николаевна завела пятый класс «В» в музыкальный кабинет.

– Дорогие дети! У вашей учительницы пения страшная температура, насморк и гланды, – не моргнув глазом сообщила классу Светлана Николаевна. – Никакого пения, сами понимаете, быть не может. Однако выше головы, огорчаться не стоит, ибо вместо пения я проведу у вас дополнительную математику.

Больше Марину Викторовну ни в школе, ни вообще в нашем городе никто не видел, но мы надеемся, что принцесса из нее вышла неплохая. Во всяком случае, в новостях по телевизору как-то говорили, что в этом королевстве граждане всем довольны и бумажными шариками никто не плюется.

А у директора Костиной школы Фатимы Джамботовны в тот погожий апрельский день появилась еще одна головная боль – в самом конце учебного года отыскать где хочешь нового преподавателя музыки.

Глава 3. На сцене появляется Шляпсон

Как я сообщал ранее, второклассник Костя жил вместе с мамой и папой. Местом их обитания была небольшая двухкомнатная квартира в панельном доме. Мама любила поливать цветы и напевать какие-нибудь мелодии, а папа постоянно ездил в командировки.

В последнее время у папы что-то не ладилось. Он возвращался из поездок хмурый и недовольный, пил чай на кухне и ни с кем не разговаривал.

У папы были длинные волосы с проседью и усы с бородой, и, если смотреть издали, он получался совсем старик, а на самом деле был пока молодой.

А еще в Костиной семье жил кот Аттила. Кот как кот, серый и ленивый, никакого от него проку, кроме мурлыканья.

Прошло пол-апреля, слегка запахло летними каникулами. Папа опять укатил в свою дурацкую командировку. Костя собрал портфель и пошел на занятия в школу, оставив маму и Аттилу стеречь жилище.

Третьим уроком в Костином втором «А» должно быть пение, но музыкантша уже десять дней как исчезла в неизвестном направлении, а замены ей еще не нашли. Самые вредные учителя пытались вместо пения провести свои дополнительные уроки, и это страшно нервировало учеников, и так лишенных последней отрады в жизни – повалить дурака в музыкальном классе.

В конце второго урока (Нина Павловна как раз диктовала домашнее задание) раздался стук в дверь и в аудиторию вошел незнакомый улыбающийся дядечка, невысокий и полненький. Он был одет в ярко-зелёный костюм с желтым галстуком. На голове у дядечки блестела аккуратная лысина, по краям которой вились роскошные кудряшки.

– Ах, сидите, сидите! – замахал руками дядечка, увидев, что некоторые ученики нехотя отрываются от стульев, чтоб поприветствовать его.

– Мое почтение, уважаемая Нина Павловна! – толстячок поклонился учительнице, которая, кажется, видела его первый раз в жизни. – Мое почтение, благородные господа! – и поклонился классу.

Ученики недоуменно переглядывались, кто-то хихикнул.

– Друзья! – продолжил толстяк. – К всеобщему прискорбью Марина Викторовна не может больше учить вас музыке... Что с ней случилось, вы спрашиваете? Насколько я знаю, она уехала жить в другой город... Но так как без музыки вам никак нельзя, я попробую продолжить ваше образование. Иначе говоря, я – ваш новый учитель пения. Меня зовут Цезарь Тигранович Шляпсон.

Услышав такое странное имя, дети засмеялись. Но толстяк совсем не обиделся.

– Сообщу вам по очень большому секрету, многоуважаемые детишки, – сказал он, не переставая улыбаться, – что с веселой фамилией и живется веселее. Но сейчас я пришел не столько посмешить вас, сколько пригласить на следующий урок в музыкальный кабинет. Так что хорошенько попрыгайте на перемене и приходите ко мне заниматься музыкой.

Шляпсон в последний раз поклонился, послал аудитории воздушный поцелуй и скрылся за дверью. Сразу же после его ухода раздался звонок с урока.

Визит нового учителя вызвал среди учеников второго «Б» некоторое волнение. Дети стали обсуждать необычные манеры и странное имя нового учителя.

– Эх! Сейчас повеселимся! – крикнул Волков и в предвкушении удовольствия взъерошил волосы Медведеву.

– Я тебе повеселюсь! – погрозила пальцем Волкову Нина Павловна, классная руководительница. – Ну-ка, все послушайте! После перемены строимся парами и на цыпочках идем в кабинет пения. И учтите, если повторится безобразие, которое вы творили у Марины Викторовны, вы у меня спляшете танец маленьких лебедей! Это я вам обещаю!

Нина Павловна умела нагнать страху на ребятню самыми безобидными словами и почти не повышая голоса. Учительница она была опытная. Ей давно подошел срок на пенсию, но она туда не хотела, потому что с детьми как-то привычнее, хоть они с каждым годом все труднее и труднее.

Глава 4. Маэстро дает первый урок

– Еще раз здравствуйте, маленькие ценители музыки, – сказал Шляпсон, когда ребята расселись за столы. – Расскажите мне, чем вы занимались на прошлых уроках.

– Мы обезьяничали и издевались над Мариной Викторовной, – горестно вздохнув, поведал Горбушкин.

Класс засмеялся.

– Об этом я уже слышал, – ответил Шляпсон. – Я имею в виду, какие произведения вы разбирали, какие песни исполняли?

– Да глупости всякие! – выкрикнул с последней парты Медведев. – Про Лизочка. Мой Лизочек так уж мал, так уж мал! Белиберда какая-то!

– Вот именно! – подтвердила Подоконникова.

– Неужели белиберда? – изумился Цезарь Тигранович.

– Полный отстой, – заключил Волков, глядя в потолок.

– Это что же, все так считают или только отдельные представители мира музыки?

– Все! – выкрикнули сразу несколько учеников, и класс недовольно загудел, словно песенка про Лизочка – самая главная несправедливость на земле.

С лица Шляпсона вдруг сошла улыбка.

– Да-а-а... Мне очень жаль, что вы так и не разобрались в этой печальной и красивой истории. Но ничего, прекрасные сеньоры и сеньориты, я расскажу, как все было на самом деле. Жил да был один добрый человек. У него была дочка. Звали ее, как сами понимаете, Лиза. А матери у ребенка не было. Она умерла. И от этого человек еще сильнее любил свою девочку. По соседству жила колдунья, разумеется, злая. Она мечтала, чтобы отец девочки женился на ней. Он был мужчина красивый и материально обеспеченный. Без жилищных проблем,

некурящий. Но жениться не хотел, боялся, что Лизе будет плохо с мачехой. Колдунья целыми днями колдовала, чтобы влюбить в себя этого доброго человека, но у него ничего не получалось: отцовская любовь была сильнее колдовства. И когда ведьма поняла, что околдовать Лизиного папу – дохлый номер, она решила отомстить. Взяла и уменьшила Лизу, сделала из нее что-то вроде Дюймовочки. Отец, естественно, дочь свою любить не перестал, заботился, как только мог, и всё такое... И вот он один раз выполнял какую-то работу по дому, то ли пол подметал, то ли посуду мыл (жены ведь у него не было) и в полголоса стал напевать...

В руках нового учителя непонятно откуда появилась флейта. Он поднес ее к губам, и заструилась тихая грустная музыка про Лизочка.

Мой Лизочек так уж мал, так уж мал,
Что из грецкого ореха
Сделал стул, чтоб слушать эхо,
И кричал, и кричал!

Нет, Цезарь Тигранович не пел. Одновременно играть на флейте и петь при всем желании не получится. Но в том-то вся и штука, что никто не пел, а слова различались. И я готов спорить, что и вы, если бы присутствовали при игре Цезаря Тиграновича, различили слова, даже если бы никогда раньше их не слышали.

...Мелодия кончилась, а дети еще несколько секунд продолжали сидеть в молчании, с открытыми ртами. И непонятно было, что повергло их в оцепенение: сказочная история или звуки флейты. Наверное, и то и другое.

Первым тишину нарушил Костя:

– А что, – недоверчиво спросил он, – это на самом деле было или вы все придумали по школьной программе?

– О, не сомневайтесь, высокородный юноша, все было именно так, как я рассказал. Может быть, не совсем так, но почти так.

В глазах Шляпсона блеснула какая-то хитринка. Непонятно было, шутит он или говорит правду.

– Более того скажу, я очень хорошо знал Лизиного папу. Мы... э-э-э... вместе работали.

– Скажите, а девочка так и осталась маленькой? – спросила троечница Лида Цветкова. Цветкова считалась в классе главной плаксой и сейчас, кажется, тоже была не прочь пореветь.

– Ну что вы! – рассмеялся учитель. – Все закончилось хорошо. Колдовство прекратилось со смертью колдуньи, и Лизочек снова стала нормального роста.

– Это Лизин папа убил колдунью?

– Как можно! Убийство – это, знаете ли, тяжкое преступление. Даже убийство колдуньи. Колдунья сама умерла. Лопнула от зависти к хорошим людям.

Лида Цветкова облегченно вздохнула.

– А с колдуньей вы тоже вместе работали? – ехидно поинтересовался Костя.

– Ну... – на секунду растерялся Шляпсон. – Да, можно и так сказать.

– А она очень злая? – спросила Лида.

– Да нет, не очень. Несчастливая женщина... А теперь, товарищи дети, давайте рискнем спеть хором.

Цезарь Тигранович поднял крышку пианино.

– Слова все помнят? Три-четыре...

Эх, слышала бы это пение Марина Викторовна, ушедшая из учительниц в принцессы, – ни за что бы не узнала своих хулиганов из второго «Б». Не все ноты получались у них как надо, но история Цезаря Тиграновича тронула ребячью души, а в песне, как известно, главное – душа.

– Что ж, поете вы неплохо, – подвел итог Цезарь Тигранович, – а скоро будете петь просто бесподобно. Таланта у вас, братцы, хоть отбавляй.

За короткое время Шляпсон стал самым любимым учителем. Он никогда не бранился, знал множество интересных историй и всегда шутил. Оценки ниже пятерки у него никто не получал. И надо сказать, обещание свое он сдержал: скоро вся школа запела просто бесподобно. У музыкального класса теперь частенько можно было встретить слушателей – и школьники, и преподаватели приходили сюда, если своего урока не было, просто постоять и послушать через закрытую дверь, как надо петь. Вот так. Не бывает бездарных учеников, зато бездарных учителей пруд пруди.

Педколлективу, состоящему почти из одних дам, Шляпсон тоже пришелся по душе.

– Настоящий джентльмен, – говорили они о Шляпсоне. – Если бы все мужчины были бы такие предупредительные, это была бы сказка, а не житье!

– Как бы не переманили его в другую школу, – тревожилась директриса Фатима Джамботовна. – Со следующего года пусть еще и школьный хор ведет. Лишняя копейка мужчине не помешает.

И только одному человеку Шляпсон не нравился ни капельки. Этим человеком был Костя Северцев.

– Сеньорами благородными обзывается! – возмущался он. – Сказочками нам зубы заговаривает.

– А тебе не нравится, так молчи! – заступались за Шляпсона Костины одноклассники.

– А я и так молчу, – отвечал Костя. – Только про Лизочка он все наврал. У нас дома ноты есть, там написано: музыка Кабалевского, слова Аксакова. А вы уши развесили: бедный папочка, злая ведьмочка!

Костя не мог объяснить, почему ему не нравится добряк Шляпсон. Он даже сам удивлялся, почему ему не нравится добряк Шляпсон. Не нравился ему Шляпсон, и все тут!

Глава 5. Костина мама знакомится со Шляпсоном.

Наверное, многим мой рассказ уже надоел, потому что читаешь, читаешь, а ничего интересного не происходит. «Тоже мне история! На стенку смотреть и то веселей» – наверное уже сказали некоторые и закрыли книжку. Это все потому что я не умею придумывать, а рассказываю все как было. Если бы я умел придумывать, я бы наврал поинтересней, и все бы были довольны. А так как мне очень важно описать все в точности, то и получается немного занудно. Потерпите немного, вот что было дальше.

Костин папа укатил в командировку и всё не ехал обратно. Маме одной справляться с энергичным Костей было трудно, и Косте одному воевать с мамой тоже было нелегко, и оба они без папы исстрадались. Только коту Аттиле было все чудесно. Котам ведь главное – ползать, поспать и чтоб все время гладили.

Как-то мама пошла к школе встретить Костю после уроков. Обычно она этого не делала – он и сам прекрасно добирался домой, но в этот раз почему-то захотелось встретить.

По школьному двору бегали и орали изнуренные учебой дети. Чудом увернувшись от одного такого бегущее-вопящего создания, Костина мама сама налетела на невысокого полного мужчину в ярко-зелёном костюме.

– Ой, извините! – пробормотала она.

– Какие пустяки! – с улыбкой ответил толстяк. – Мне даже приятно! – и, заметив, что она слегка нахмурилась, пояснил: – Приятно познакомиться с мамой моего ученика из второго «Б» Кости Северцева.

– Откуда вы меня знаете? – насторожилась мама.

Толстяк опять расплылся в улыбке.

– Все ужасно просто. Ваш сын очень сильно на вас похож. Одно лицо. Не узнать невозможно. А я учитель музыки Цезарь Тигранович Шляпсон.

– Очень приятно, – с улыбкой облегчения ответила Костина мама.

– Должен вам сказать, – продолжал Шляпсон, – что ваш сын необычайно музыкален.

– Да, – гордо сказала мама, – это он в меня. Я с детства петь люблю.

– Не может быть! – обрадовался Шляпсон, – Что, и ноты знаете?

– А как же! – мама даже чуть-чуть обиделась. – Я даже в городском оркестре работала. К сожалению, его распустили. Совет города решил, что городу оркестр не по карману. Мы бы пели и бесплатно, но у нас забрали инструменты и помещение для репетиций.

– Да-да, я слышал эту досадную историю. Но, знаете, власти приходят и уходят, а музыка вечна. И вот я хочу собрать новый оркестр и приглашаю туда вас. Я найду и инструменты, и помещение. Я ведь уже разговаривал с некоторыми бывшими участниками коллектива – они согласились собраться вновь. Если у вас есть хоть капля интереса к моей болтовне, подумайте и вы над моим предложением.

– Ну, не знаю, – развела руками мама. – Столько дел...

– Да, – вздохнув, согласился Шляпсон, – дел ужасно много... И все-таки, подумайте.

Тут на школьном крыльце появился Костик. Мама и Шляпсон попрощались и разошлись в разные стороны.

– А что, спросила Костика мама, – Цезарь Тигранович, наверное, хороший учитель?

– Учитель как учитель, – буркнул Костя. – На дудке умеет.

– Ах, ребенок! – вздохнула мама. – Как жаль, что наш папа ни бум-бум в музыке!

Вот так. Мама почти сразу решила, что согласится петь в новом ансамбле. Тут даже и не в Шляпсоне дело. Просто есть такие люди, которым без музыки долго не протянуть.

А Шляпсон оказался к тому же и прекрасным организатором. Он действительно нашёл помещение для репетиций, инструменты и оборудование. Удивительно, как у него все легко получалось. Он умел уговорить даже того, кто на уговоры с детства не поддается и кого легче сразу расстрелять, чем уговаривать. И это притом, что еще недавно ни про какого Шляпсона никто и слыхом не слыхивал.

Глава 6. Куда делся ребенок?

Мама стояла у окна и напевала. В руках у нее были ноты. Цезарь Тигранович предложил участникам нового оркестра посмотреть несколько вещиц собственного сочинения и подумать, стоит ли их играть. Ноты были сложные, но и мама была не лыком шита. Она разобрала каждый инструмент в отдельности, а затем стала складывать все вместе. Наконец это удалось.

– Ай-ай-ай! – сказала мама. – Как это будет хорошо, если сыграть как надо.

И ей стало легко и радостно, как давно уже не бывало. Тут она увидела своего мужа, идущего к подъезду с огромной командировочной сумкой через плечо.

– Ну вот, вернулся, – прошептала мама и помахала рукой.

Он не ответил, потому что глядел в другую сторону.

– Привет! – сказал папа, когда вошел. – Вот и я.

– Вижу, – сказала мама, и они обнялись.

– А где ребенок? – спросил папа.

– Сейчас вернется, – ответила мама.

Дело в том, что несколько минут назад маме по телефону позвонил Цезарь Тигранович и попросил вернуть часть нот – он по ошибке отдал лишние экземпляры, которые ему вдруг срочно понадобились. Цезарь Тигранович жил в том же доме, что и Костина семья, только в соседнем подъезде.

– Мне ужасно совестно отвлекать вас своими пустяками, – говорил в трубку Шляпсон, – но чем скорее я получу ноты назад, тем спокойней будет моей дырявой голове.

– Ах, не извиняйтесь, пожалуйста, – отвечала Костина мама. – Я попрошу сына, он сейчас же все принесет. Это вихрь, а не ребенок.

Костя просьбе не обрадовался, но как послушный мальчик взял ноты и пошел домой к учителю пения. В конце концов, делов-то: зашел в соседний подъезд, позвонил, отдал бумаги и свободен. Не целоваться же его со Шляпсоном заставляют.

...Мама и папа прошли в комнату и сели на диван.

– Как я устал, – сказал папа.

– У меня новости, – решила похвастаться мама. – Я скоро снова буду петь в оркестре.

– Чудесно, – сказал папа.

– Репетиции со следующей недели. Представляешь, как здорово! Это всё устроил учитель из Костиной школы. Такой классный дядечка!

– Что еще за дядечка? – папа недоверчиво посмотрел на маму.

– Обычный дядечка, – поджав губы, ответила мама. – Толстый, лысый, старый. И фамилия у него глупая – Шляпсон. Правда, смешная фамилия?

Папа взял маму за плечи и немигающими глазами уставился ей в лицо.

– Ты сказала Шляпсон? Я не ослышался?

– Да, Шляпсон, – растеряно повторила мама.

Папа больно сдавил мамины плечи.

– Куда пошел ребенок? – медленно произнес он, не разжимая зубов.

– Господи! Что с тобой! К Цезарю Тиграновичу пошел ноты отнести, в тридцать седьмую квартиру, в нашем доме, только другой подъезд. Десять минут назад ушел, сейчас вернется. Да отцепись ты от меня! – под конец мама даже взвизгнула, потому что испугалась собственного мужа. Это был как будто другой человек.

Ничего не объясняя, Костин папа вскочил с дивана и выбежал из квартиры.

– Совсем рехнулся со своими поездками, – обиженно сказала мама. – Скоро на людей будет бросаться. Не успел приехать, а уже всё настроение испортил!

И мама стала размышлять о том, что всем хорошо, одной ей плохо.

...Папа летел вверх по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Квартира номер 37 находилась на четвертом этаже. Дверь приоткрыта. Папа пнул ее ногой и вошел внутрь. Никого. В единственной комнате почти нет мебели, только стол, два стула, кровать и с открытыми дверцами пустой шкаф для одежды. На столе тарелка с недоеденным супом и листы бумаги. Ноты. На стене напротив окна – нарисованная на старых обоях дверь в человеческий рост.

– О нет, – сказал папа. – Только не это!

Он подбежал к двери и стал открывать ее, как будто она была настоящая. Конечно, у него ничего не вышло. Тогда он отошел подальше и с разбегу врезался в дверь плечом. Стена загудела. Папа застонал от боли. В соседней квартире упала на пол какая-то металлическая посуда. Нарисованная дверь начала исчезать, как будто кто-то стирал ее ластиком.

– Это я один во всем виноват, – пробормотал папа и, ссутулившись, побрел восвояси. Вид у него был жалкий.

Глава 7. А вот куда он делся

Костя взял у мамы ноты и понес Цезарю Тиграновичу. Я уже об этом говорил.

Цезарь Тигранович отворил дверь, увидел Костю и по своему обыкновению весь засветился от счастья.

– Ах, это вы, мой юный друг! Скорее же войдите в мою убогую хижину!

– Вообще-то мне некогда, – ответил Костя и нерешительно переступил порог «хижины». Шляпсон обнял его за плечи и потащил в комнату.

– Смелее же, не стесняйтесь. Если бы вы только знали, как выручили меня! Присядьте на стул. Я задержу вас ровно на две минуты. Кое-что отдам для вашей мамы, и вы сразу пойдете. На улице так жарко. А будет еще жарче! Вам, наверное, хочется пить. Подождите, я сейчас!

Шляпсон выскочил из комнаты на кухню и почти сразу вернулся с большой разрисованной чашкой.

– Вот, попейте. Это компот, я варю его сам по особому рецепту. Прекрасно утоляет жажду.

В чашке была темно-красная жидкость, на ее поверхности лопались пузырьки. Костя не сильно хотел пить, но из вежливости сказал «спасибо» и взял чашку в руки. Между тем Шляпсон сел к столу, нацепил на нос очки и стал перебирать стопку нотных листов.

– Буквально две минуты, мой друг, ровно две минуты, – бормотал он, искоса поглядывая на ребёнка.

Костя отхлебнул из чашки. Напиток оказался приятный: чуть сладкий, но с кислинкой. Костя не заметил, как допил всё, и стал вертеть чашку в руках, потому что не знал, куда ее поставить. На чашке был рисунок: двое дяденек в коронах, наверное, цари, дрались на саблях, рядом на полу валялся ребенок в пеленках. С другой стороны чашки был изображен большой коренной зуб, наполовину изъеденный кариесом. С зуба капала кровь, как будто его только что вырвали.

Косте показалось, что он уже где-то видел этот зубчик, и он стал напрягать память, но ничего не вспомнилось. Мысли в голове вдруг стали медленными, как черепаха. «Интересно, – подумал Костик, закрывая глаза, – дядьки в коронах, эти дядьки в коронах... из-за ребенка дерутся, или он сам по себе здесь ползает?» Усталость за несколько секунд растеклась по телу. Рукам стало невыносимо тяжело держать чашку с царями, и он разжал пальцы. Чашка брякнулась на пол и раскололась пополам.

Шляпсон обернулся, посмотрел на разбитую, чашку, затем на Костю. Поднявшись из-за стола, он достал из внутреннего кармана пиджака большой маркер, подошел к стене и стал проводить на ней черные линии. Потом сделал шаг назад и оглядел своё художество. На обоях была дверь в человеческий рост – самый простенький рисунок: прямоугольник-проём, в нем прямоугольник-дверь, ручка буквой «С» и две дверные петли.

За дверью послышалась возня. Кто-то пытался ее открыть.

– Толкайте сильнее! – крикнул Шляпсон.

Дверь отворилась, и в комнату вошел длинный, жилистый, человек. С бесцветными волосами и ресницами. Он был альбинос.

– Добрый день, господин Цезарь! – сказал он, тяжело дыша. – Думал уже, что заблудился.

– Здравствуй, Моррак! – ответил Шляпсон и показал на Костю пальцем.

– Наш принц спит. Я намешал ему в питье сонного порошку. На этот раз мы забираем его и делаем это как можно скорее. Ещё чуть-чуть – и нам несдобровать.

Альбинос поднял ребенка и взвалил себе на плечо головой назад, прямо как мешок или скатанный в трубку ковёр.

– Оркестр – это хорошо, – вздохнув, сказал Шляпсон. – Но работа есть работа. А искусство... оно в очередной раз подождёт. Все мы занимаемся не своим делом.

– Полностью с вами согласен, господин Цезарь, – хихикнул волосатик. – То, что мы хотим делать, делают другие, а то, что хотят делать другие, делают другие другие, а то что хотят другие другие, делают совсем другие... А чудачки, которые мечтают делать нашу работу...

– Об этом, дорогой мой Моррак, мы порассуждаем как-нибудь попозже. Иначе ещё немного и мы вообще не будем делать никакой работы, потому что Гантимур разорвёт нас на мелкие кусочки. Он уже бежит сюда.

С этими словами Моррак с Костей на плече и Шляпсон исчезли в нарисованном проходе. Дверь за ними закрылась и стала исчезать.

В ту же минуту в квартиру ворвался Костин папа. Дальше вы знаете.

Глава 8. Костина мама засыпает волшебным сном

Кажется, я всех запутал и сам запутался. Это не потому что я уж не знаю, что еще соврать, а потому что очень тяжело честно рассказывать про волшебные события. Все происходит как-то кувырком и как-то не по-людски, что сразу и необразишь, что надо рассказывать сначала, а что потом.

Вы уже поняли, что Шляпсон на самом деле не Шляпсон, а Костин папа вовсе не Костин папа. Вот я опять напутал. Костин папа на самом деле был Костин папа, Шляпсона так и звали – Шляпсон. Только оба они изображали из себя не тех, кто они на самом деле.

И Шляпсон, и Костин папа попали в наш город из волшебной страны. Они давно знали друг друга. Вот поэтому Костин папа так странно повел себя, когда услышал фамилию Шляпсон. Он сразу понял, что его сына хотят украсть, и побежал на выручку. Как мы уже знаем, он опоздал.

Однако не стоит думать, что папа плюнул на родного сына и отказался от дальнейших поисков. К тому моменту, когда он вернулся в свою квартиру, в голове его сложился план дальнейших действий.

– Объясни, что с тобой, – такими словами встретила папу мама.

– Ничего, – ответил папа и через силу улыбнулся. – Я не выспался в дороге.

– Встретил Костю? Нет? – спросила мама, подошла к окну и посмотрела на двор в надежде увидеть сына.

Мягкими шагами папа подошел к ней сзади, обнял за плечи и поцеловал в затылок.

– Ведешь себя как ненормальный, а потом целоваться лезешь – сказала мама. – А я ведь... еще ничего такого... не... я не...

Мамин голос прервался на половине фразы, глаза закрылись, тело обмякло, ноги подкосились. Папа подхватил маму на руки и отнес на диван. Мама спала глубоким волшебным сном.

– Кис-кис! – позвал папа. – Аттила, где вы? Я хочу с вами поговорить.

Из-под стола, задрвав хвост трубой, медленно вышел Аттила, большими внимательными глазами посмотрел на хозяина и сказал по-человечьи, с небольшим кошачьим акцентом:

– Я слушаю вас, господин Гантимур!

Я недавно читал в газете, что одна старушка из Санкт-Петербурга выучила свою собачку говорить целых два слова: «мама» и «караул». По такому случаю к собаке приехало телевидение. У нее брали интервью и кормили ливерной колбасой. Собака стала широко известной личностью, но через какое-то время, в зените своей славы, вдруг перестала разговаривать. И все решили, что старушка – обманщица, а у собачонки на ошейнике был прикреплен магнитофончик. Старушка в нужный момент включала его с помощью пульта и оттуда раздавались всякие «мамы» с «караулами».

Я же понимаю эту ситуацию иначе. Если бы старушка была обманщицей, то она и продолжала бы спокойно дурить народ вместе со своей четвероногой сообщницей и заработала бы кучу денег. Зачем ей, спрашивается, позорится на старости лет? Тем более, никаких магнитофонов никто не нашел, а это просто предположение. Я считаю, что собачка действительно умела говорить, и может быть, еще и побольше, чем два слова. Просто собака была умной. Она натрескалась колбасы до отвала во время всяческих интервью и поняла, что если так будет продолжаться дальше, ее затаскают по редакциям газет и всяким там телестудиям и до ожирения закроют некачественной колбасой, а то и вовсе заберут у хозяйки и отведут в лаборато-

рию ставить эксперименты во имя науки. И собака замолчала. Конечно, жаль, что почтенную пенсионерку заподозрили во лжи, но в конечном итоге она сама рада была, что ее с собакой оставили в покое.

Пусть же эта история всем послужит хорошим уроком. Если вы узнаете, что ваше домашнее животное умеет разговаривать, наслаждайтесь беседами с ним в одиночестве или тесном семейном кругу и ни в коем случае не пускайте к себе газетчиков и телевиденье. От них вам никакой пользы, только пол испачкают.

Итак, Аттила умел разговаривать, но про это никто не знал, кроме Костиного папы, даже мама и Костя не знали.

– Аттила! – сказал папа. – У нашей семьи начались неприятности. Моего сына украли. Я ухожу его искать.

– М-р-р, – ответил Аттила. – Когда появился этот хитрюга Шляпсон, мне стало очень тревожно. Там, где Шляпсон, ничего хорошего не жди. Но я не мог вас предупредить.

– Аттила, я прошу помощи. Я только что заколдовал свою жену поцелуем в затылок. Она будет спать ровно месяц. Если к этому времени я не вернусь вместе с нашим сыном, она проснется такой же, как и была, только забудет и меня, и Костю. Я это делаю, потому что знаю: без сына она будет несчастна. Я ее очень люблю. Так пусть она забудет нас, снова выйдет замуж и родит новых детей. Ну, а если я вернусь раньше, то разбужу ее, и всё пойдет как прежде.

– Интересное решение, господин Гантимур-р-р... Я бы до такого не додумался. А чем же я могу помочь?

– Аттила! Я взял тебя к себе, когда ты был еще слепым котенком. Если ты чувствуешь хоть какую-то привязанность ко мне, выполни мою просьбу. Сиди здесь и присматривай за моей женой до моего прихода. Если я не вернусь и она проснется, тогда хочешь – оставайся, хочешь – уходи. Но я надеюсь, что все закончится хорошо.

– Я обещаю, что буду самым лучшим на свете сторожем. Но ответьте на такой вопрос. Если вы не сможете найти сына, ваша жена все забудет и начнет новую жизнь. Это я понял. А что будет лично с вами?

Папа отвел взгляд в сторону.

– Не знаю, – ответил он. – Прощай.

Он взял со стола карандаш и стал рисовать на обоях дверь, как это еще совсем недавно делал Шляпсон. Закончив рисунок, папа подхватил с полу дорожную сумку, которую еще не успел разобрать, открыл нарисованную дверь и исчез в темноте. Через несколько минут дверь стала исчезать, как будто ее стирал невидимый ластик...

– Ну вот, всегда так, – проворчал кот. – Всё продумал, кроме одного: чем мне питаться целый месяц. Эх, все приходится делать самому...

Аттила поднял свою пушистую лапку и помахал ей, как будто отгонял муху. Затем выпустил из лапки коготки и трижды царапнул паркет. Если бы мама не пребывала в волшебном сне, то непременно дала бы Аттиле веника. Но мама, слава Богу, спала. Над тем местом, где остались царапины, появился маленький смерч, размером примерно с кофейную чашку. Смерч немного покружился и пропал, а вместо него обнаружилась маленькая серая мышка. Мышка пискнула и рванула от кота под диван. Аттила немного поиграл с ней, а наигравшись, приступил к обеду.

– А пить буду из кухонной раковины, – сказал сам себе кот. – Очень удачно, что пока хозяина не было, кран сломался и до конца не закрывается.

Наевшись и напившись, он запрыгнул на журнальный столик и улегся рядом с телевизионным пультом. Рядом, на диване, посапывала заколдованная мама.

– Ну-с, – сказал сам себе Аттила, коготком нажимая красную кнопку пульта, – похоже, что впереди целый месяц так называемой котячьей жизни.

Как он заблуждался!

Глава 9. Король принимает лекарство

Костя проснулся в незнакомом месте. Кровать, на которой он лежал, была с крышей на столбиках и занавесками.

– Ничего себе кроватка, – сказал сам себе Костя. – Автобусная остановка какая-то, а не кроватка.

Кроме кровати в комнате стояли кресло, столик со свечками и комод, все такое старинное, резное, красивое, как из фильмов про всяческих рыцарей. На стене висел ковер с драконом, но Косте было не до драконов, надо было срочно сообразить, как его сюда занесло.

Костя вспомнил, как на перемене они с Волковым кидались друг в друга тряпками для вытирания доски и Волков проиграл со счетом 6:5. Вспомнил, как Горохова и Орехова гонялись за ним по классу, чтобы огреть по спине мешочком со спортивной обувью, за то что он подкрался и свистнул в ухо сначала Гороховой, а потом Ореховой, потому что они обе ему немного нравились. Вспомнил, как Нина Павловна по ошибке поставила ему двойку по поведению. По ошибке – потому ни в каких лошадок и всадников он вместе со всеми не играл, они в это время с Севой Прадедушкиным расплетали металлическую сетку в школьном заборе, чтобы лазить в дырку и экономить драгоценные минуты.

Потом он пришел из школы и отправился по маминой просьбе домой к Шляпсону. Там пил компот из Шляпсоновой кружки с дерущимися королями. А потом началась полная чепуха: нарисованная дверь, непонятный разговор Шляпсона и волосатика о похищении детей, темный коридор за нарисованной дверью...

Костя слез с кровати и босиком прошлепал к двери. Дверь была заперта. На кресле лежали сложенные Костины вещи. Одного носка не хватало. Костя оделся и снова лег на кровать. В одежде думалось лучше.

– Всё ясно, – сказал Костя сам себе после нескольких минут думы. – Меня за каким-то лешим похитили.

И заплакал. Когда тебя похитили, немного поплакать не запрещается.

Король волшебной страны Зублянди Ленц XIV был большой грузный мужчина с седыми волосами и красным лицом. С утра ему нездоровилось. Два часа назад он выпил лекарство, но сейчас оно уже почти перестало действовать, и король, сидя в своём рабочем кабинете, хмуро размышлял, не стоит ли повторить приём.

В кресле через столик расположился человек в ярко-зелёном костюме с желтым галстуком. По краям его блестящей лысины вились роскошные кудряшки. Ученики Костиной школы знали этого человека как преподавателя пения Цезаря Тиграновича Шляпсона, но, как я уже говорил, Шляпсон был не совсем тем, а точнее, совсем не тем, кого из себя изображал перед школьниками и учителями. Здесь, в волшебной стране, он занимал пост вице-канцлера и по совместительству возглавлял министерство хитрости – самое главное министерство в королевстве. Ни одно мало-мальски важное решение во дворце не принимались без его ведома и одобрения. Если Шляпсон чего-то хотел, то оно всегда выходило по-шляпсоновски, пусть даже сам король был против. А ежели Шляпсону что-то не нравилось, оно вдруг как-то само собой исчезало. И ссориться со Шляпсоном означало, что ты круглый осёл и сам себе враг, и все – от самого пустякового лакея до короля Ленца XIV понимали это. Вот каким важным Шляпсон был человеком.

Его величество сидел, подперев ладонью лоб, крепко о чём-то задумавшись, а вице-канцлер молчал и ждал момента, когда королевские раздумья закончатся и можно будет продолжать разговор.

Внезапно король вышел из оцепенения.

– А-а-а! – воскликнул он, махнув рукой. – Я так думаю, что хуже не будет!

С этими словами он достал из бокового кармана сюртука небольшую бутылку с лекарством и раскупорил её.

– Не будет хуже, ваше величество! – подтвердил Шляпсон. – Лучше станет, а хуже – вряд ли.

Король с подозрением посмотрел на вице-канцлера.

– Ты действительно так думаешь? Ну, ладно, как скажешь. Тебе налить?

– За компанию не откажусь. Только чуть-чуть, – согласился Шляпсон, хотя и без всяких микстур чувствовал себя очень даже прекрасно.

Король извлёк откуда-то из-под столика два серебряных стаканчика и разлил в них содержимое бутылочки.

Чокнувшись, король и вице-канцлер приняли лекарство.

– Эх, не нравится мне эта затея и с самого начала не нравилась, – сказал король. Снадобье начало действовать, и ему уже было не так паршиво. – Воровать детей – вот до какой мерзости я докатился! А всё ты!

– Помилуйте, ваше величество! – взволнованно заговорил Шляпсон. – Да неужели вы считаете, что мне самому по сердцу похищение мальчика! Но ведь королевству угрожает большая опасность, и имя этой опасности – Гантимур. Наше королевство, хоть и называется волшебным, волшебников настоящих в нём почти и нету. Сплошь барахло и фокусники. Дурачат простачков, а те верят. Ну, а Гантимур – волшебник очень сильный. Большой талант. Не волшебник, а пальчики оближешь! Вот чего ему не хватало? Зачем он к врагу переметнулся? Гордости у него много.

– Это да, – нехотя согласился Ленц. – А ещё родственник! Но всё равно, не по-людски как-то воровать у него сына.

– Вот вы совершенно справедливо заметили, что родственник, – улыбнулся Шляпсон. – Принц Гантимур приходится вам троюродным братом, а значит его сын вам тоже не чужой. И, если рассудить здраво, кто вас упрекнёт в том, что вы просто захотели увидеть мальчика, познакомиться с ним. Поэтому мы его и... того... пригласили сюда. Слыханное ли дело? Мальчуган королевских кровей, а ни разу во дворце не был, даже не догадывается, кто он такой. Поэтому мы оказываем нашей стране двойную услугу: образуем предателя Гантимура и возвращаем королевству незаконно отнятого принца, то есть мальчика Костю. Да что я говорю! Какая тут услуга? Это наш долг перед родиной!

Ленц задумался. Затем хмыкнул.

– Образуем предателя и вернуть стране молодого принца... Это ты правильно сказал. Да, Шляпсон, умеешь ты всё шиворот на выворот и с ног на голову. Не зря я тебе министерство хитрости доверил.

– Что вы, ваше величество, – засмутился Шляпсон, – Я просто выполняю свою работу... А теперь не желаете ли познакомиться со своим родственником принцем Костей?

– Желая, – ответил король. – Но сначала давай-ка, Шляпсон-Хряпсон, ещё хряпнем по глоточку. Закрепим благотворный эффект.

Он достал из другого бокового кармана такую же маленькую бутылочку и разлил в серебряные стаканчики.

– Здоровье вашего величества! – сказал министр.

– И тебе не хворать, – ответил король и опрокинул стаканчик в себя.

Пока Ленц морщился от горького лекарства, Шляпсон незаметно выплеснул свой стакан на ковёр. Ковёр у Ленца был пушистый, мокрого пятна на нём было не разглядеть.

Глава 10. О том как опасно заколдовывать своих жён в спешке

Итак, вы узнали, что папа Кости Северцева был на самом деле могучим волшебником да ещё и родственником короля. Как же такое могло получиться? А очень просто.

Лет двадцать-двадцать пять тому назад в королевстве Зубляндии стала твориться крайне неприятная петрушка. Короли начали умирать одни за другим, как тараканы, когда в доме побрызгают дустом. То ли жизнь во дворце пошла слишком нервная, то ли наоборот – слишком привлекательная, что сразу многим захотелось попробовать трон мягким местом – этого я точно не знаю. Короли умирали от заворотка кишок, воспаления пузырей, закупоривания сосудов, свинки, водянки, ветрянки, волчанки, желтухи, краснухи, артроза, цирроза, парадантоза, тонули во время купания, разбивались, упав с лошади, медведи задирали их на охоте, напарники в фехтовальном зале нечаянно протыкали их насквозь рапирой, им на головы постоянно падали какие-то булыжники на горных дорогах, а мосты под их ногами так и норовили рухнуть. И это не говоря о трёх случаях самоубийства. За пять с хвостиком лет Зубляндией успели поправить пятьдесят два короля, четыре королевы и восемь принцев-регентов, не считая всякой более мелкой шушеры.

Последней в этой чехарде стала старушка Колотильда IV. Она счастливо царствовала одиннадцать дней, а затем мирно подавилась сухарём за ужином и тут же преставилась. Детей Колотильда не нажила, а более-менее приличных принцев во всём королевстве осталось лишь двое – Ленц да Гантимур.

Королём стал Ленц. Он был мужчина в самом расцвете сил, крепкий, весёлый и энергичный. А Гантимур был ещё молоденький и к государственным делам интереса совсем не проявлял. Он или просиживал штаны за книжками, или переливал разную дрянь из пробирки в пробирку у себя в лаборатории. И все королевские чиновники прекрасно понимали, что порядочного короля из такого чудака не выйдет, разве что какой-нибудь докторишка несчастный или профессор кислых щей. И оставили его в покое, мол, пользы от оболтуса нет, но зато и вреда никакого.

А Гантимура среди всех наук интересовала прежде всего магия, он хотел стать волшебником. В Зубляндии, надо сказать, волшебник – профессия как профессия, примерно как у нас юрист или инженер. Выдающихся и знаменитых волшебников уважают, ценят и всюду зовут на работу, а тех, которые так себе, и внимания не обращают.

Магией Гантимур занимался самостоятельно, по книгам из королевской библиотеки. Спустя некоторое время ему стало любопытно, до какого уровня он доупражнялся, и он решил попривлечь к себе в гости разных заслуженных волшебников. Глядишь, поучат чему-нибудь или хотя бы дадут дельный совет. Волшебники приезжали ужасно гордые и важные, как бы нехотя и только из уважения к его королевской крови. Дескать, августейший сопляк отрывает нас от работы, но отказать ему мы не можем. А уезжали малость пришибленные и задумчивые, потому что они Гантимуру, как выяснялось во время общения, и в подмётки не годятся. Тут, скорее, не ему у них ума набираться, а наоборот – им у него. Вот такое редкое сочетание таланта, жажды знаний и трудолюбия. Самородок и тому подобное, даром что принц.

Гантимур вскоре прославился среди мастеров и любителей волшебного искусства. Его стали приглашать на всякие волшебничьи слёты-посиделки. Он несколько раз туда ходил и понял, что делать там нечего, в лаборатории интересней. Он был большой скромняга и тудяга. И вообще, симпатяга.

Во дворце к нему отношение переменилось. Раньше его и не замечали особо, а сейчас стали даже чересчур почтительны. А самое главное, те, кто раньше говорили, что в короли Гантимуру лучше и не соваться, теперь призадумались. Потому что если король не дурак набитый, это очень даже хорошо. Но если он при таком таланте ещё и волшебник, это уже совсем другая песня с совсем другим припевом.

И к Гантимуру несколько раз подходили некие мутные личности и заводили туманные разговоры на тему, не желает ли он, если рассуждать чисто теоретически, может быть, как-

нибудь, по возможности, некоторым образом взять да и немножко, в каком-то смысле этого слова, посидеть на троне. Гантимур делал вид, что не понимает, о чём речь, хотя всё прекрасно понимал.

А к королю Ленцу тоже приходили мутные личности и ябедничали, что принц ведёт переговоры со всякими мутными личностями, и если ему вовремя не отрубить голову, он станет королём, а Ленцу даст под зад коленом и определит на помойку жизни.

Во дворцах всегда кто-то против кого-то подговаривает, это у них обычное дело. Ленц про то прекрасно знал и не собирался отрубать Гантимуру никакие головы или сажать в сырую темницу. Но Гантимура такая обстановочка жутко нервировала. Она отвлекала от работы. Поэтому однажды ночью он собрал свои волшебные манатки и исчез в неизвестном направлении. Прямо как Марина Викторовна, учительница пения. Некоторые придворные подумали, что король от греха подальше всё-таки швырнул беднягу в тюрьму, а ещё лучше, тайно отрубил голову.

Но Ленц и сам не знал, куда делся его родственник. А потом в нашем небольшом приморском городке объявился приезжий – интеллигентный молодой человек. Он походил по улицам и решил тут остаться. Вскоре он женился, и у них с женой родился сын, которого назвали Костей.

Волшебному человеку из волшебной страны не так-то легко начать жить в простом городе, где живут обыкновенные люди. Это как, например, какого-нибудь городского охладмона, которому без компьютера с интернетом и свет не мил, отведи в лес и заставь жить в избушке – намается несчастный. Ну, а если волшебник попадает в реальный мир, то это вообще целое дело. А самое главное в таком случае – поскорее бросить свои волшебные замашки, особенно на людях. Иначе тебя живенько определят в психбольницу, а может быть, даже и в тюрьму. А ещё учтите, что Гантимур был принц, а принцам всё приносят на блюдечке. У нас же тут у никто никому отродясь блюдечек не носил, даже принцам. Поэтому Гантимуру пришлось попервоначально туго: сам себе бельишко стирай, сам на хлеб зарабатывай и всё такое. Но он был парень сообразительный и быстро освоился. И имя себя взял другое, чтоб лишних вопросов не задавали – Венедикт Северцев. И про то, кто он такой на самом деле, не знал никто, даже жена и сын.

А вот вы спросите: неужели такой великий волшебник взял и бросил волшебство и стал заниматься обычной ерундой? А вот тут-то и начинается самое главное, из-за чего вся каша и заварилась. Только об этом я расскажу позже, а пока послушайте, что стало с Костиной мамой.

Как вы помните, Гантимур подошёл к ней сзади, поцеловал в затылок и напустил волшебного сна. И всё было бы очень просто, если бы она до конца нашей истории так и провалялась на диване, а кот Аттила промурлыкал у неё в ногах. И мне бы рассказывать было намного спокойней, и я бы путался меньше. Но так не получилось.

Напомню, что Гантимур хотел усыпить жену на месяц, притом, чтоб, проснувшись, она ничего не помнила. Если Костя найдётся – тогда можно вернуть ей память, а если нет – пусть заново женится и рождает себе кого захочет. Но из-за спешки и волнения всё вышло не погантимурски, всё вышло наперекосы.

На следующее утро после заколдовки, ровно без четверти восемь, спавшая на диване мама сладко потянулась и открыла глаза. Спустив ноги на пол, она увидела развалившегося на журнальном столике Аттилу.

– Кис-кис-кис! – сказала мама. – Васька! Мурзик! Маркизка, как там тебя! Иди ко мне, я тебя сейчас гладить буду.

Аттила со страхом вытаращился на маму. Раньше с лежащими на столе котами разговоры у мамы были коротки – за шиворот и в прихожую. А теперь ей ни с того ни с сего приспичило ласкаться.

– Хороший котик, пушистый, умничка моя!

Мама схватила Аттилу со столика, прижала к груди и, напевая, закружилась по комнате. У зеркала она остановилась.

– Хватит с меня этих ваших штук, веселиться хочу! – заявила мама неизвестно кому.

Она швырнула Аттилу на диван и принялась рассматривать себя. Должен сказать, что волшебный сон весьма благотворен для здоровья и особенно для кожи лица. Костина мама сама по себе была ещё вполне молодой женщиной, а поспав в заколдованном виде, стала выглядеть ещё моложе – от силы на двадцать лет.

По-видимому, оставшись довольной своим отражением, она открыла шкаф и начала перебирать платья.

– Это же просто повеситься можно! – возмутилась она. – Надеть-то и нечего!

Наконец она выбрала весёленькое платьице, и уже хотела пойти переодеваться, но вдруг задумалась.

– Постойте, а как же меня зовут? – спросила мама саму себя.

Подумав минуту, она махнула рукой.

– А, ладно, как-нибудь разберёмся!

Только теперь до Аттилы дошёл смысл происходящего. Колдовство Гантимура всё-таки на половину сработало. Проспав вместо месяца всего шестнадцать часов, Костина мама проснулась без памяти. Но мало того что она не помнила своего имени, она ещё собиралась куда-то уходить. А ведь Аттила пообещал Гантимурову приглядывать за его женой. Вот тебе и целый месяц котячьей жизни!

...По зелёной улице, наполненной майскими ароматами, шла красивая молодая женщина, или скорее девушка, в весёленьком платьице, размахивая сумочкой и что-то там себе напевая. Прохожие мужчины оглядывались, чтоб получше её разглядеть. Позади девушки, метрах в пяти, семенил серый пушистый кот. На него никто никакого внимания не обращал. На душе у мамы было легко и радостно. Аттила бежал и проклинал тот день, когда родился.

Поскольку все дороги в нашем городке выводят к морю, вскоре мама и сама не заметила, как оказалась на пляже. Морская вода в мае ещё прохладная и купаться в ней дураков мало, но сегодня здесь собралась большая толпа.

Мама подошла поближе и увидела, что это снимается кино. В последнее время к нам в город зачастили киношники. Наверное, потому что у нас тут много всякой красоты: море, горы и всюду зелень. И даже если ты собираешься снять жуткую дрянь, с этой красотой у тебя всё равно получится не слишком противно.

Многие горожане приходили смотреть на съемки. Во-первых, потому что интересно, а во-вторых, потому что когда у киношников не хватало артистов, они выбирали их из обычных людей и даже платили им какие-то небольшие деньги. А некоторым местным жителям даже доставались роли, в которых надо было что-то сказать. И многим хотелось, чтоб их взяли в кино. Представляете, приходишь домой и говоришь родственникам: «Сегодня в фильме снимался. Уж не знаю, что там у них выйдет. Сценарий – глупость несусветная, снимать никто не умеет, но уж я со своей ролью всё, что мог, сделал». А родственники смотрят на тебя круглыми глазами, как будто ты только что из психбольницы сбежал. Приятно всё-таки.

Съёмочная площадка была огорожена ленточкой, за которую простым смертным перелезть не разрешалось. У ленточки толпились зеваки. Мама подошла и тоже стала наблюдать рождение шедевра.

На раскладном стульчике с кислой физиономией – всё как положено – сидел режиссёр и глядел, как артисты воплощают в жизнь его идеи. А сцена была такая. Девушка лежит на пляже, загорает и никого не трогает. Подходят три безобразника, и начинают отпускать всякие солёные шуточки в девушкин адрес, и доводят таким образом её до слёз. Но тут откуда ни возьмись появляется белобрысенький паренёк в полосатой майке и говорит безобразни-

кам: «А ну, подлецы, отвяжитесь от нее!», после чего безобразники оставляют заплаканную девушку в покое и принимаются колошматить белобрисенького. А девушка глядит на потасовку и постепенно влюбляется в своего спасителя. Такая вот любопытная сценка.

Режиссёру Миниюбкину (вы конечно же смотрели сериал «Алтарь обречённой любви» – так это он снимал) не нравилось решительно всё.

– Да что же вы даже врезать ему по-человечески не можете! – возмутился режиссёр игрой пляжных безобразников – По печени ему как следует! Так ему, так!

Не выдержав, он вскочил и стал показывать верзилам, как следует правильно тузить положительного паренька.

– Получай, родимый, получай, получай!

Подробно объяснив артистам, как надо играть, он в изнеможении повалился на свой раскладной стульчик. Отдышавшись, он уже хотел крикнуть «мотор», но тут увидел в толпе праздных зрителей необыкновенно изящную молодую женщину. Будучи большим ценителем женской красоты, Миниюбкин моментально почувствовал, что слегка влюблён и объявил пятнадцатиминутный перерыв.

– Эй, Горемыкин, где ты там, – сказал он своему помощнику, – видишь девушку в зелёном платье между урной и старушкой в резиновых сапогах? Приведи мне её прямо сейчас. Она необыкновенная. Да не старушка в сапогах, а девушка!

Через минуту мама с Миниюбкиным сидели рядом на раскладных стульях, и Миниюбкин, противно улыбаясь, что-то ей рассказывал. Чтобы плеск волн и людские голоса не мешали подслушивать разговор, Аттила пробежал под стул Миниюбкина и разлегся на тёплой гальке.

– У вас есть опыт в кино? – спросил влюбленный режиссер.

– Вы шутите, – ответила мама, что можно было понимать и как да, и как нет.

– Я совсем не шучу, – возразил Миниюбкин, поджигая сигарету. – У меня есть для вас маленькая, но удивительно яркая роль.

– Право, не знаю, – ответила мама. – Я не люблю маленькие роли. Разве что очень яркие.

– Даже не сомневайтесь, это будет очень-очень яркая роль. Вы и представить себе не можете! – Миниюбкин закрыл глаза и блаженно улыбнулся, видимо, представляя маму в этой самой короткой, но яркой роли. Из его ноздрей выползли две струйки табачного дыма.

Аттиле такой разговор ужасно не нравился. Он понимал, что ещё чуть-чуть и хозяйку будет не сберечь. Надо было срочно что-нибудь придумывать, но, как всегда в таких случаях, ничего подходящего не придумывалось.

Глава 11. Согласно первому волшебному закону

Тоннель закончился глухой бетонной стеной. Гантимур поднял из-под ноги осколок кирпича и стал царапать на стене дверь. Он не мог видеть, оставляет ли кирпич след на стене, но это и не имело значения: Гантимур был слишком мощным волшебником и мог работать вслепую.

Дверь открылась, Гантимур шагнул через порог. Раздался хлопок, и глаза ослепило ярким дневным светом. Тоннель и дверь исчезли. Гантимур стоял на лесной дороге.

– Ага, – пробормотал он, поправляя на плече ремень сумки. – Край родной, навек любимый... Королевский дворец в той стороне. Надо бы наколдовать какую-нибудь колыхагу... Но нет, магию будем экономить. Скоро она мне понадобится в больших количествах. Пешком пойду. А по дороге всё обдумаю.

Должен сказать, что Костин папа имел привычку разговаривать сам с собой. Маме привычка не нравилась, она каждый раз пугалась этих папиных разговоров, потому что зачем нормальному человеку разговаривать с самим собой, ежели вот тебе жена, с ней и говори сколько влезет. Косте же наоборот казалось, что разговаривать с собой – очень даже здорово: сидишь, сам себе чего-нибудь интересное рассказываешь и сам же слушаешь, и не скучно. Хотя лично

у него пока плохо получалось: только начнешь самому себе что-нибудь рассказать, а оказывается, ты это уже знаешь.

Но я опять сбиваюсь на ненужные подробности...

Гантимур быстро зашагал по дороге. Однако он не прошел и трехсот метров, как вдруг услышал:

– Остановитесь, ваше высочество!

Гантимур остановился. Из-за ёлок вдоль дороги вышли солдаты. На них были мундиры королевской гвардии. Каждый держал в руках ружьишко и целился в принца. Гантимур оглянулся. Сзади него тоже стояли солдаты. Гантимур был окружён. Это была ловушка. Вперед вышел гвардейский капитан.

– Ваше высочество, вы арестованы!

– Вот тебе раз! – усмехнулся Гантимур. – За что?

– Это не важно, – ответил капитан. – Но если вы не подчинитесь, солдаты будут стрелять.

– Может быть, вам и не важно, а мне почему-то любопытно, – возразил принц. –

А вообще, давайте как-нибудь в другой раз. Целую!

– Как это «целую», у меня же приказ! – возмутился капитан.

Но Гантимур уже шёл прямо на преграждающих дорогу солдат.

– Да я сейчас это! Как его?! О, черт!.. – Капитан было рванулся за принцем, но почему-то остался на месте. Он попытался дотянуться до сабли на боку, но понял, что не может пошевелить ни рукой ни ногой. На сердце у капитана сразу стало тоскливо. На рядовых тоже напали столбняк и тоска. Они держали у плеча свои бесполезные ружья, хлопали глазами и ждали дальнейших приказаний.

Раздвигая гвардейцев, как густую высокую траву, Гантимур выбрался из их круга и зашагал дальше по дороге.

– Ваше высочество! Подождите! Не уходите! – вдруг опомнился капитан. – У меня же письмо! Я должен письмо вам отдать!

– Какое ещё письмо? – Гантимур остановился.

– Господин вице-канцлер передал! Тут оно. Только я достать не могу!

Гантимур стал пробираться обратно в круг солдат, к капитану.

– Где письмо?

– Во внутреннем кармане куртки справа, – ответил капитан. – Но учтите, я щекотки боюсь.

Принц залез офицеру за пазуху (тот пару раз хихикнул) и достал небольшой конверт. Адрес был: «Его высочеству принцу зублянскому Гантимуру».

«Ваше высочество! – говорилось в письме. – Никайше прошу следовать предписаниям начальника высланного за вами отряда. От этого зависит жизнь вашего сына.

Вице-канцлер, министр хитрости Шляпсон».

– Всё понятно, – сказал принц, разом погрузнев. – Я вынужден вам подчиниться. Куда вы меня поведете?

– В Башню говорящего осла, – ответил капитан и почесал затылок. Он снова мог двигаться.

– Ну да! Куда же еще! Что ж, ведите. Я сейчас освобожу от неподвижности солдат, а мы с вами давайте на всякий случай пригнёмся. Вдруг кто-нибудь нечаянно нажмёт спусковой крючок и продырявит нам одежду...

В Зубляндии каждый дурак знает, что такое Башня говорящего осла. Это тюрьма для волшебников. Среди них, как и среди обычных людей, попадают жулики, воры, разбойники, бунтари, клеветники и прочие преступники, которых нужно решительно хватать и бросать за решетку. Но, понятное дело, в обычную тюрьму волшебника сажать рискованно. Потому что он, например, возьмет и заколдует стражников, как Гантимур только что заколдовал гвар-

дейцев, вытащит у них ключи, отопрёт замки и пойдет себе спокойненько на волю. Или, ещё проще, превратится в какую-нибудь крыску, ушмыгнет в нору – и ищи-свищи его.

Поэтому в Зубляндии отгрохали специальную тюрьму для волшебников. Это было давным-давно, при черт-те каком короле, и почему у башни такое мудреное название, каждый объяснял как мог. Одни считали, что там когда-то мотал срок некий опасный преступник, который прославился тем, что дурачил сыщиков, превращаясь в осла, когда они выходили на его след. Он так бы и гулял на свободе, но однажды, будучи в ослином состоянии, забылся и заговорил по-человечьи, и сразу же был изобличён и арестован. Другие возражали, что это, наоборот, его превратили в осла для надёжности, чтобы он не сбежал, потому что, когда ты осел, очень неудобно перепиливать копытами железные прутья на окне, делать подкопы и карабкаться вниз по тюремным стенам. Третьи уверяли, что он все-таки сбежал, но ни в какого осла не превращался, а наоборот, перед тем как убежать, превратил в осла коменданта тюрьмы – чтобы прочувствовать жадину за дрянную кормежку.

Третья версия представляется менее правдоподобной, чем остальные, потому что из Башни говорящего осла – это знают все – сбежать практически невозможно. Стены ее, мало того, что необыкновенно толстые, они ещё выложены из особого камня, который сводит на нет всякое колдовство поблизости. То есть у волшебника, посаженного в башню, даже маломальской ерунды наколдовать не получится, но когда он окажется на свободе и отойдёт подальше, то вновь может вытворять свои чародейские фокусы.

Для дополнительной надёжности самые авторитетные и благонадежные колдуны королевства раз или два в год накладывали на Башню говорящего осла разработанные согласно последней научной мысли антимагические заклятья. А других колдунов, не менее авторитетных и не менее благонадежных, запирали на ночь в камеры, и они пытались оттуда выбраться с помощью магии – для проверки. И когда у них ничего получалось, чары признавались высококачественными и работа оплачивалась.

Правда, были в Зубляндии вечно недовольные всем люди (их в каждом королевстве предостаточно), которые утверждали, что в Башне говорящего осла никаких преступников-чародеев нет. Что чиновники из министерства хитрости сажают туда тех, кто стоит им поперек дороги. А волшебниками несчастных объявляют для надёжности, чтобы всякие умники в башню нос поменьше совали. Мол, у нас безопасность, секретность, и нечего тут вынюхивать. А еще за волшебное преступление тюремный срок положен более долгий, чем за обычное.

Что же касается заклятий, которые якобы одни маги накладывали на башню, а другие маги проверяли, то это, говорили вечно всем недовольные, чистое шарлатанство, и за него маги кладут себе в карман хорошие денежки из королевской казны. И наверняка еще делятся с жуликами из министерства хитрости.

Конечно это всего лишь мнение отдельных подданных королевства, и оно не бесспорно. Но вот то, что попасть в Башню говорящего осла не хотел никто, даже те, кому тюрьма – дом родной, этого я отрицать не стану. Тот, кто из башни выходил на свободу, ничего о тюрьме не рассказывал, а когда его спрашивали, только мычал и таращил глаза, как филин. Такое вот волшебство.

Находилась башня в горах за городом, и, хотя места там весьма живописны, любители отдыха на природе, туда почти не забредали. Сама близость мрачного заведения отбивала всякое желание резвиться среди зелени и радоваться жизни.

Поскольку Гантимур был принц, ему отвели более-менее приличную камеру. Не в подвале, но и не на самой верхотуре. Достаточно широкое окошко, вполне приличная кровать, стол и один табурет. Ещё в углу стояла железная печка, но в это время года в ней надобности не было. Из окна – прекрасный вид на горы. Комендант майор Прудиус, старикашка с черными

крашеными усами, проводив своего высокородного узника в его новое жилище, пообещал, что охотно исполнит любое пожелание принца, если оно не слишком будет противоречить тюремным правилам. А если у его высочества есть надобность, ему принесут книг из здешней библиотеки – она не очень большая, но что есть, то есть.

Старикашка Прудиус, шевеля усами, ушел, железная дверь захлопнулась, щелкнул запор. Гантимур остался один. В иных обстоятельствах, он бы с удовольствием провёл здесь недельку-другую: отоспался и вдоволь начитался книг, но сейчас было не до разлёживаний на кровати и читки – нужно было срочно выработать план освобождения сына.

Гантимур сразу понял, что рассказы о том, что в башне колдовство невозможно, – чушь собачья. Никакой антимагией тут и не пахло. Маги, регулярно наводившие здесь чары, видимо, действительно были прохиндеи. Выбраться отсюда не стоило больших усилий. Но в том-то и загвоздка, что Костик находился в руках у Шляпсона. А Шляпсон в своей писульке, намекал, что за неповиновение Гантимура может расплатиться его сын. И как только Гантимур сбежит отсюда, Шляпсону станет это известно, и тогда Костя...

– Ну, Шляпсон! – сказал Костин папа, сжав кулаки. – Я тебе твою флейту ... – но договаривать не стал. Он понимал, что сейчас от ярости мало толку. Лучший советчик в создавшемся положении – холодный рассудок.

Есть такой закон, называется первый волшебный. В учебниках по элементарной магии его помещают в первом параграфе или даже в предисловии, потому что знать его нужно так же твёрдо, как жи-ши пиши с буквой и. Закон гласит: на всякую волшебную силу найдётся ещё большая неволшебная сила. А это значит, что если чего-то можно добиться волшебством, то того же самого и даже большего можно добиться и без волшебства.

Вот, допустим, наколдовал кто-нибудь себе пятерку по физике и ходит с гордо поднятой головой, как будто ему Нобелевскую премию только что вручили. Но за этой пятеркой нет ни труда, ни твердых знаний. А его одноклассник добросовестно сидел за учебниками – в результате и оценки хорошие, и знаний хоть отбавляй, то есть добился он гораздо большего. В этом и есть суть первого волшебного закона.

А ещё закон так можно трактовать: каков бы ты ни был волшебник, тебя можно одолеть, не прибегая к волшебству. Это непросто, но возможно. Вот как с Костиным папой: такой могущественный волшебник, а полностью обезоружен и припёрт к стенке хитростью Шляпсона. Но это вовсе не значит, что стоит сложить лапки и лишь робко мечтать, что у Шляпсона проснутся благородные чувства и он со слезами раскаяния отпустят и папу, и сына на все четыре стороны.

Гантимур понимал, что если бы его хотели убить, это сделали бы еще на лесной дороге. Просто продырявили бы его пулями без предупреждения. Значит, в планы Шляпсона не входило избавиться от принца-волшебника, а заставить его работать на себя. А раз так, то борьба только еще началась и можно надеяться на победу.

Гантимур прилёг на кровать. Накопленная усталость, которую до этого момента замечать было некогда, вдруг разом завладела всем телом.

– Лежу за решеткой в темнице сырой, – пробормотал Гантимур и провалился в крепкий сон.

Уже несколько лет ему повторялось одно и то же сновиденье. Будто жена узнает, что он не тот, за кого себя выдает, и спрашивает, зачем нужно было ей так долго обманывать. Костин папа (я уже говорил) не любил, когда пересказывают сны, но прекрасно понимал: сон ему снится, потому что мучает совесть. Он жил двумя жизнями: обычной и волшебной, и обе жизни ему были дороги, и совсем не хотелось из двух выбирать какую-то одну. Но чем дальше, тем понятнее становилось: жить двумя отдельными жизнями несправедливо и неудобно. Их следует каким-то макаром объединить. Но каким – на этот вопрос Гантимур ответа пока не знал.

В нынешнем сне жена с недовольным видом сидела в кресле и спрашивала Гантимура, лежащего на арестантской шконке:

– Что же это получается, товарищ муж? Если ты принц, то я принцесса. А у меня даже трона нет, только это кресло поролоновое. Оно же старое, его на помойку выбросить давно пора! А вдобавок ты ещё в тюрьму загремел. Ребенок совсем от рук отбился без отцовского внимания. Вот где он сейчас шляется? Веня! Или как там тебя правильно величать? Гантимур! Все эти годы ты мне врал! Как ты мог со мной так поступать! А я-то, дура, продолжаю тебя любить!

И она заплакала. И до того это было тяжело слушать, что Гантимур проснулся. В камере было темно, стояла ночь.

«Здесь кто-то есть, – подумал принц. – Может быть, они все-таки решили меня убить? Если так, попробуйте, голубчики!»

Он сомкнул колечком большой и указательный пальцы левой руки и щёлкнул ногтем об ноготь. Так обычно давят вшей, у кого они водятся. От ногтей полетела искра, и тут же в камере раздался грохот – рядом с печкой. Гантимур вскочил с кровати. На полу лицом вниз лежал человек в полосатой арестантской одежде. Гантимур зажёл свечу на столе и перевернул лежащего на спину.

– Ой! – растерянно произнес Гантимур. – Это же Гробс. Здравсте, Гробс!

– Вечер добрый! – ответил пострадавший, открыв глаза. Рассмотрев принца, он тоже сказал «ой!» и снова закрыл глаза.

Гантимур приподнял своего незваного гостя под мышки и усадил у стенки. Затем взял со стола кувшин и поплескал ему в лицо воды. Тот, кого Гантимур назвал Гробсом, пришел в себя.

– Я по ошибке наслал на вас обморок, – извиняющимся тоном сказал принц. – Думал, что меня хотят убить. Сами понимаете... Как вы себя чувствуете?

– Сногшибательно, – ответил Гробс, ощупывая шишку на лбу, – Я всегда восхищался оточенностью ваших заклятий. О, как я рад вас видеть! Однако ума не приложу, как вы сюда попали?

– Я тоже и рад, и удивлен видеть вас здесь! Но с другой стороны, сейчас в Зубляндии такие времена, что если волшебники и остались, где им еще быть, как не в этой кутузке?

В дверь камеры застучали.

– Эй, что это у вас там грохочет?! – раздался голос стражника и в замке заскрежетал ключ.

– Давайте я спрячусь, а потом, когда охрана уйдёт, поговорим, – быстро прошептал Гробс и, как ящерица, заполз под гантимуровскую койку.

Глава 12. Принцесса, которой лучше не врать

Огромный лакей завёл Костю в королевский кабинет и с легким поклоном удалился. Пока они шли по коридорам, Костя пытался разузнать у него, что же это за ерунда вокруг происходит, но здоровяк на все вопросы отвечал: «Не могу вам сказать», и слащаво улыбался.

В кабинете Костя увидел учителя Шляпсона и большого мужчину с красным лицом, как будто только что из бани.

– Ваше величество! – выпрыгнул из своего кресла Шляпсон. – Разрешите представить вам принца Константина! Я имел непродолжительное счастье называть его своим учеником, – и Шляпсон взял Костика под руку и подвел к сидящему в кресле краснорожему дядьке.

– Вот ты какой, Костя, – широко улыбувшись, сказал дядька и протянул ему свою мощную руку. Рукопожатие было крепким, но вместе с тем бережным. – Ну, здравствуй! А меня называй дядей Ленцем. Мы родственники с тобой. Я твоего папку хорошо знаю. Ты на него похож.

От дядьки шёл особый запах. Иногда так пахло от папы – когда такое случалось, папа бывал как ненастоящий. Слишком добрый. Косте запах вина не очень нравился, но улыбка у дядьки была настолько искренняя, что Костя решил, что дядька – человек не злой.

– Вы король? – спросил Костя дядьку.

– Точно, король, – кивнул дядька.

– Перед вами, мой юный друг, король Зубляндии Ленц XIV, – пояснил Шляпсон. – А вы, как обнаружилось совсем недавно, – не просто ученик средней школы, но еще и троюродный королевский племянник и принц крови.

– Ты не волнуйся, – король похлопал Костю по плечу. – Папка за тобой скоро приедет и заберет домой, а пока ты здесь погостишь, во дворце. В тесноте, да не в обиде.

Вдруг двери с шумом распахнулись, и в кабинет вбежала девочка.

– Папа! Это тот самый мальчик, которого украли? – обратилась она к королю.

Она была примерно Костиного возраста, только немного выше, хотя Костя и сам мальчик был крупный.

Король испуганно посмотрел на девочку, потом, нахмурившись, перевел взгляд на Шляпсона.

– Ваше высочество хотело сказать, что мы... э-э-э... взяли на себя такое право... м-м-м... любезно пригласить королевского родственника, чтобы иметь удовольствие... – начал объяснять Шляпсон девочке, но та перебила его:

– Да ладно вам выкручиваться! Украли, так и говорите, что украли. Я его себе забираю, а то тоска смертная. Пошли ко мне!

С этими словами она взяла Костю за руку и повела из кабинета.

– Вот и правильно, ребятки, – с облегчением крикнул король им вдогонку. – Идите поиграйте! А мы тут с дядей Шляпсоном государственные дела поделаем. – И, улынувшись, добавил: – А то носится, как угорелая, понимаешь.

– Вот, – сказала девочка, – здесь я обычно играю. Ты много врешь? В смысле – вообще в жизни много врешь?

– Не очень, – ответил Костя, несколько удивленный вопросом.

Девочка, слегка прищурив глаза, стала разглядывать Костю, как будто он неизвестная науке букашка, а она ученый и сейчас его открывает.

– Да, пожалуй, врешь ты совсем мало, – сказала она наконец. – Это хорошо. Но мне вообще нельзя врать. Ни капельки.

– Почему это нельзя? Может быть, я очень хорошо вру. Так хорошо, что никто и не догадается.

– Я всегда вижу, когда врут.

– Ага, моя мама тоже так умеет. Она по глазам узнает.

– Да нет, ты не понял. У меня такое свойство, шестое чувство. Как бы прекрасно ты ни врал – я пойму. Знаешь такую игру «Верю – не верю»? Расскажи мне что-нибудь, а я скажу, правда или нет.

Игру Костя знал. В ней кто-нибудь рассказывал историю из своей жизни, а остальные пытались догадаться, всамделишная она или выдуманная. Фантазия, должен сказать, у Кости была нещучная.

– Ну, раз ты так хочешь... – начал Костя. – У меня есть брат-близнец. Нас все путают. Иногда мы сами путаемся, кто из нас Костя, а кто э-э-э... Пафнутий. Так что, может быть, я сейчас не с тобой разговариваю, а дома сижу на табуретке и песни пою. А с тобой сейчас Пафнутий беседует.

Девочка засмеялась.

– Нет у тебя брата Пафнутия никакого! Это и так понятно любому. Давай ещё чего-нибудь скажи.

– Хорошо. Вот послушай. Бабушка моего друга Севы недавно пошла к соседке за солью, и у нее захлопнулась дверь. А соседка жила как раз над нею: бабушка на четвертом этаже, а соседка – на пятом. И Севина бабушка с соседкиного балкона на свой перелезла. А все смотрели снизу, как она по железной решетке карабкается и ждали, что она сорвется и разобьется в лепешку. Но она не разбилась.

– Это правда, – сказала девочка, поглядев на него пристально несколько секунд. – Какая героическая бабушка!

– Да нет, – возразил Костя. – Просто она в цирке до пенсии работала воздушной гимнасткой. Ей с балкона на балкон лазить – одно удовольствие на старости лет. А вот еще, – Костя начал входить во вкус, новая знакомая ему нравилась. – Мы с мамой пришли на море, а там были сильные волны. Мама сказала: раз так, будем просто загорать. А загорать и не купаться – неинтересно. Я подошел к воде, меня смыло волной и стало уносить от берега. Я стал тонуть.

– И как же ты спасся?

– А никак. Один дядька на надувном матрасе поплыл за мной и вытащил на берег.

– Странно, – сказала девочка. – Это и правда и неправда одновременно. Наверное, история настоящая, но случилась не с тобой.

– Ничего себе! – удивился Костя. – Опять угадала. Это другого мальчика волной смыло. Я на берегу сидел и все видел. А как ты так научилась?

– Я не училась. Когда я была маленькой, меня заколдовала ведьма. А потом колдовство прошло, но остался побочный эффект – так ученые сказали, и я сделалась чуткой к вранью.

– А ты сама-то всё время правду говоришь?

– Ты думаешь, что я вру? Что я это придумала? Так вот, когда я чужую неправду слышу, я ее просто различаю, а когда сама пытаюсь врать, мне от этого сразу плохо становится. Голова болеть начинает. Может даже температура подняться. Поэтому я никогда не вру!

– Да ладно, успокойся!.. И что же, у тебя на всю жизнь этот побочный эффект или потом пройдет?

– Не знаю. Наверное, на всю жизнь. Папа говорит, что я еще настрадаюсь, когда придет время замуж собираться.

– А как тебя ведьма заколдовала?

– Она сделала меня маленькой, вот такой, как мой указательный палец. И я такой полгода была. Папа приказал для меня сделать маленький домик. И я там жила. Он сейчас в кладовке. Я его теперь для кукол приспособила.

– Ой-ой-ой! – сказал Костя. – Кажется, у меня из ушей сейчас дым пойдет, как из вулкана. А как тебя зовут?

– Хм, – обиженно поджала губы девочка. – Я думала, ты знаешь. Я – принцесса Елизавета, наследница Зубляндского престола!

– Ой! – сказал Костя. – Мой Лизочек так уж мал, так уж мал.

– Что? – спросила его принцесса.

– Да нет, ничего. Песенка такая есть, про Лизочка. Не слышала?

– Нет, не слышала.

А в это время король и его министр продолжали секретное совещание.

– Ваше величество, – сказал Шляпсон, – мне только что передали записку, что изменник родины Гантимур схвачен. Он пытался тайком проникнуть на территорию королевства. Сейчас он в Башне говорящего осла.

– Это хорошо, – задумчиво ответил король.

И, вздохнув, добавил:

– Хорошо, да не очень – когда принцев в тюрьмах держат. Что же ты собираешься с ним делать?

– Пусть переночует в башне. Говорят, ночь, проведенная в тюрьме, благотворно влияет на характер человека. Утром устрой допрос. А после предложу работать на ваше величество – помочь родине в трудную минуту, искупить, так сказать, свое предательство.

– А если откажется?

– Что ж он, зверюга лесная? Ведь его сын у нас... Да, ваше величество! Мне кажется, не следует позволять мальчику свободно разгуливать по дворцу, да еще в компании вашей дочери. Ведь она совершенно не умеет... э-э-э... скрывать информацию.

Ленц развел руками.

– Ну, теперь ничего не поделаешь. Если мальчишку у нее сейчас забрать, воплей будет на всё королевство. Пусть уж вместе теперь время проводят. Родственники всё же. Приставь парочку своих людей поглазастей, чтоб приглядывали, и достаточно. Авось, никуда наш Костя не денется. Но учти, если с ним что-нибудь случится, то станешь ты ни какой не министр хитрости, а рядовой гражданин нашей великой страны Шляпсон-Растяпсон. И давай с тобой выпьем еще по маленькому глоточку за то, чтобы всё закончилось хорошо.

Король уже поднес стакан с лекарством ко рту, но вдруг поставил его обратно на стол.

– Шляпсон! А ты его зубному показывал?

Вице-канцлер замер, уставившись на Ленца XIV.

– Я как-то и не подумал, ваше величество.

– Давай-ка срочно, друг мой Шляпсон-Растяпсон, бери мальчишку в охапку и дуй к доктору Флюсу. И сразу же после осмотра мне доложишь.

И король опрокинул серебряный стаканчик в свою бездонную глотку.

Глава 13. Чудеса для диктатора

Дайте я как следует отдышусь. Никогда не брался за такие длинные и запутанные истории. А тут заварил кашу и сам уже не рад. Не соображу, что я уже рассказал, а что упустил.

Сейчас, сейчас... Ага! Тем, кто внимательно читает мою книжку, всё более-менее должно быть ясно за исключением нескольких вещей. Во-первых, почему король и Шляпсон всё время называют Гантимура (или Костиного папу) предателем – ведь не за то, что он просто сбежал из королевства. Это раньше никому нельзя было за границу и все сидели дома на своих сундуках. А сейчас куда хочешь, туда и поезжай – хоть на северный полюс, хоть к папуасам в хижину – за это в тюрьмы больше не сажают. Были бы деньги на дорогу.

А во-вторых, король и Шляпсон уже несколько раз сказали, что Зубляндии угрожает какая-то опасность, а какая – вы пока не знаете.

Ну, и непонятно, зачем так срочно король хочет ребенка отвести к зубному – это тоже требует отдельного объяснения.

А теперь подумайте: если вам, читателям, не всё понятно, то какво Костику. И похитили его, и носок у него пропал, и отец у него, видите ли, волшебник, и сам он принц. Я бы точно рехнулся на его месте.

Мне однажды электронное письмо пришло, что в Африке умер мой дядя-богач, о котором я знать не знал, и оставил мне десять миллионов денег. Надо было только пятьсот долларов в Африку послать, чтобы мне там всякие бумажки оформили, и ждать наследства. Я так и сделал, но оказалось, что тамошние товарищи негры облапошили меня, как последнего деревенщину, и про африканского дядюшку – чистая выдумка. А я после этого случая такое нервное потрясение пережил, что меня положили в больницу и кефиром с ложечки кормили. И у меня до сих пор, когда кто-нибудь про наследство начинает рассказывать, тоска к сердцу подступает и слезы на глаза наворачиваются.

Это я к тому, что я очень ранимый и если бы меня спящего, как Костю, в другую страну уволокли... Нет, даже подумать страшно.

Но Костя не такой хлипкий. Наша смена, всё-таки, будущее страны. Поэтому я его и воспеваю. А теперь продолжим.

Герцог Тахо стоял перед большим зеркалом и рассматривал, как сидит на нем только что сшитый парадный мундир. Мундир сидел превосходно. Это и понятно: герцог хоть и не отличался большим ростом, но имел ладную спортивную фигуру. На такие фигуры шить мундиры – легко и приятно.

– Прекрасная работа, я очень доволен. Большое спасибо, – сказал герцог портному. Тот поклонился и, счастливый, попятился к выходу.

Мундир был хорош, но для встречи со студентами, конечно, не подходил, требовалось что-нибудь попроще. Герцог покопался в шкафу и извлек оттуда скромный костюм серого цвета. Да, это именно то, что нужно. Герцог придавал большое значение выбору одежды.

Народ Безрыбья просто обожал своего герцога. Когда Тахо, в окружении небольшой свиты, проходил по улицам столицы своей легкой пружинистой походкой, то тут то там по пути его следования раздавались крики «браво!», а из окон под ноги летели цветы.

Ещё двадцать лет назад Безрыбье было королевством, но потом случилась война: два брата-принца стали спорить, кому носить корону на своей дурной голове. Война закончилась славной смертью обоих во время генерального сражения, и по всей стране пошла жуткая свистопляска.

Свистопляска продолжалась бы и сегодня, но вдруг откуда-то появился герцог Тахо, которого до этого почти никто и не знал, провозгласил себя диктатором Безрыбья и за короткий срок навел повсюду порядок. И все сказали: «Ну, и замечательно!» и стали жить дальше...

В дверь постучали, и в комнату заглянул румяный советник Помпилиус.

– Ваша светлость, студенты собрались и ожидают.

Несколько лет назад по указу диктатора Тахо в Безрыбье был основан институт волшебства. Тахо прекрасно понимал, что магия для управления страной – штука совсем нелишняя.

Студентов для института отбирали по всему Безрыбью. Беда в том, что Безрыбье, в отличие от Зубляндии, – страна не волшебная, и волшебники здесь рождаются редко. То ли вода здесь какая-то другая, то ли почва, то ли ветра как-то не так дуют, то ли еще что. А волшебником, как известно, надо именно родиться. Упорно развивать свой талант тоже крайне важно, но если у тебя его нет, хоть десять пар штанов за партой просиди, колдовать не научишься.

Кое-как со всего Безрыбья набралось двенадцать человек с предрасположенностью к чародейству.

Хуже обстояло дело с преподавателями волшебства. В Безрыбье их не было вовсе. Оставалось искать в соседней Зубляндии. А это было не так просто и даже опасно. Дело в том, что между Зубляндией и Безрыбьем всегда были неважные отношения. Страны время от времени воевали, а когда не воевали, пытались оттяпать друг у дружки пограничные области дипломатическим путем.

Естественно, по зубляндским законам волшебникам строго-настрога было запрещено переезжать в Безрыбье. Ведь во время войны один более-менее приличный волшебник стоит целого взвода солдат, а то и роты. Так, например, почти во всех прошлых войнах безрыбская армия была намного мощней зубляндской, но за счет зубляндских волшебников эта разница в силе сходилась к нулю, и войны обычно кончались ничьей.

Шпионы доносили герцогу, что волшебство в Зубляндии пришло в полный упадок. Большинство известных, признанных зубляндских чародеев мало на что годны. Они издают научные труды, получают дипломы и медали, преподают в университетах, выступают на чародейских съездах, но, откровенно говоря, ничего кроме разве что самых простеньких чудес

показать не могут. А талантливая молодежь не получает нужного образования и выбирает невольшебные специальности.

С одной стороны, диктатора Безрыбья радовало, что во враждебной стране так называемые заслуженные волшебники и гроша ломаного не стоят, с другой стороны, самому ему такие деятели просвещения были и даром не нужны.

И в тех же донесениях шпионов называлось имя Гантимура – как действительно стоящего волшебника. Герцог Тахо решил во что бы то ни стало заполучить его для своего института. Но дело осложнялось тем, что принц давно не жил во дворце и ото всех скрывался. Понадобилось время, чтобы отыскать его и уговорить встретиться с диктатором Безрыбья.

Не буду описывать, как агенты Тахо вынюхивали, где прячется Гантимур, скажу лишь, что он наконец с диктатором встретился и сразу же согласился стать профессором института волшебства. Вот в этом, собственно, и состояло его предательство, о котором говорили король и Шляпсон.

Добавлю, что когда Гантимур стал учить безрыбских студентов колдовству (а об этом сразу же стало известно в зубляндском министерство хитрости), при дворе Ленца XIV не на шутку всполошились, и стали думать, как вернуть его обратно в Зубляндию. В результате Шляпсон разработал план похищения Кости и блестяще (надо признаться) его осуществил.

Конечно, если бы Гантимур поехал на Безрыбье устраиваться плотником на стройку или семечки на пляже продавать, на это бы никто и внимания не обратил. Но тут, сами понимаете, совсем другой коленкор. Колдовство в пользу вражеской державы – это не хухры-мухры. За это головы рубят.

Гантимур и сам знал, что играет с огнем, но ничего поделывать не мог. Ведь в волшебной науке был смысл его жизни. В родной стране ему спокойно работать не дали, от дворцовых интриг пришлось перебраться аж в другой мир. А не работать он не мог. Кто-то скажет: ну и жил бы в нашем мире спокойно и занимался своей наукой себе на здоровье. Но ведь заниматься магической наукой это тебе не просто сидеть в трусах на лавке, бормотать заклинания и руками размахивать. Тут, как в химии, например, или биологии, необходимо дорогое оборудование, всякие препараты, животные для экспериментов и так далее, то есть куча денег. Но где их взять, если ты ушел из принцев в бродяги? А в Безрыбье это всё Гантимур предоставили, лишь бы тот согласился работать.

И потом, не забывайте, что Костиному папе нужно было кормить семью. Короче говоря, предложение диктатора Тахо показалось ему отличным выходом из создавшегося положения. Правда, теперь Гантимур постоянно приходилось врать своей жене, что его все время посылают в командировки. Но, если вдуматься, то это и не ложь почти. Знали мы мужей, которые так врал своим жёнам, что по сравнению с их ложью гантимуровская ложь – просто детская песенка про кузнечика. И жен мы знали с не менее развитой фантазией.

...Диктатор Тахо и румяный советник Помпилиус вошли в зал, где их ожидали двенадцать студентов института волшебства.

– Здравствуйте, господа! – сказал диктатор и улыбнулся своей знаменитой чуть застенчивой улыбкой. Затем подошел к каждому и пожал руку.

Он видел их в первый раз и был слегка удивлен. На кого-кого, а на студентов эти люди походили меньше всего. Во-первых, все он давно вышли из того нежного возраста, когда мозги жадно впитывают нектар науки. (Ведь, как я уже сказал, собирали их по всему Безрыбью – что в сети попало, то и попало.) Во-вторых, видок у них был какой-то чересчур лихой. То ли бродяги, то ли поиздержавшиеся на берегу матросы. Хотя, замечу, перед встречей с диктатором они отчаянно пытались навести марафет: чесали гребнями космы, разглаживали утюгами несуразную одежонку, брызгались духами и ваксили стоптанные башмаки.

Впрочем, герцог решил не делать никаких выводов по их внешнему виду. Ведь волшебники вообще народ странный.

– Господа, ваше обучение скоро подойдет к концу, – начал диктатор. – И мне было бы крайне любопытно узнать, каковы будут его плоды. Возможно, такое любопытство преждевременно, но вполне простительно, ведь, создавая ваш институт, наша страна вкладывала немалые средства и питала большие надежды... В общем, расскажите о себе. Просто, по-свойски. Чему научились, какие планы, над чем сейчас работаете.

Один из будущих волшебников сделал шаг вперед. Росту он был среднего, черные волосы доставали плеч, из-под огромного красного носа по самый подбородок свисали усы. Тоненькие кривые ноги словно подгибались под тяжестью солидного пивного брюха. Среди студентов-переростков он был за старшего.

– Это, как его... – заговорил красноносый. – Каждый из нас, ваша светлость, чтобы защитить диплом, должен... того... сотворить чудо. Сейчас, в общем, наши все чудеса почти готовы. Мы их... это... в общем... заканчиваем.

– Вот как? Очень интересно! В общем. И какого же чуда ждать лично от вас? Надеюсь, это не секрет?

– Нет, конечно. Мы же не того... Не в этом, как его... в цирке, – хохотнув, ответил красноносый. – Про свою работу я, в общем, охотно расскажу. Я сколотил из досок этот, как его... топчан. С виду самый обыкновенный и даже, я бы сказал, не слишком того... привлекательный. Но на нем... это, как его... прекрасно высыпаетесь. Особенно это заметно, если всю ночь того... куролесил, а лег, в общем, только под утро.

– Что же тут, это, как его, чудесного? – спросил герцог. Сам он очень заботливо относился к своему сну и ночных гуляний не одобрял.

– В обычной постели можно выспаться в среднем за восемь... этих, как их... часов. А на моем топчане достаточно поспать всего два часа. И даже если у вас хроническая эта... бессонница, глаза закроются моментально. Едва голова коснется подушки. Вы будете дрыхнуть, извините, как этот, как его... суслик. И, в общем, через два часа встанете свежим и как его... полным, в общем, сил.

– Что ж... – диктатор задумался. – Я бы не отказался от такой кушетки... Но вот у меня только что возникла одна идея. Ведь если можно сделать так, что усталый человек быстро высыпается, то можно сделать и чуть-чуть по-другому: чтобы полный энергии человек мгновенно устал и уснул. Так ведь?

– Наверное, можно, – настороженно ответил красноносый.

– А лучше, чтобы не один человек, а сразу много. Например, тысяча. Тысяча здоровых сильных человек рухнули как подкошенные и тут же уснули непробудным сном. И не на топчане, а скажем в поле или на дороге. Ведь тысяча солдат на вашем топчане, ха-ха, не поместятся. Ведь так?

– Так. Тысяча солдат на моем топчане не поместятся, – помрачнел красноносый. Он начал понимать, куда клонит герцог.

– Вот и прекрасно! – обрадовался Тахо. – Поэтому пусть они падают прямо на дорогу! Считайте, что у вас есть новая работа. Заканчивайте побыстрее ваш полезный топчан, и мы с вами примемся за новый проект под названием, скажем, м-м-м... «Колыбельная для полка».

Рядом с красноносым стоял грустный бородач в полосатом свитере. Левый глаз у студента был подбит. Опухоль уже сошла, осталась лишь синева.

– Теперь ваша очередь, – обратился к нему герцог.

– Я занимаюсь третьим глазом, – вздохнув, ответил бородач.

– Понимаю, – кивнул герцог. – Идете по пути духовного самосовершенствования. И как успехи?

– Глаз уже открылся, – ответил бородач, и, видя, что герцог рассматривает его синяк, уточнил: – Нет, не этот глаз. Это я в пивной... упал.

Он выставил перед герцогом левую руку и растопырил пальцы. На средний был надет колпачок. Бородач снял колпачок. На подушечке пальца оказался ярко-синий глаз. Опешивший герцог чуть наклонился и стал его рассматривать. Глаз в свою очередь, хлопая длинными ресницами, стал рассматривать герцога.

– Надо же! – наконец произнес герцог. – И что же, вы этим глазом всё видите?

– Вижу, – ещё больше погрузнев, ответил бородач. – Но не всё. Сильная близорукость. На обычные глаза, которые на лице, никогда не жаловался. А этот подслеповат. Окулист пропи-сал мне очки, но их никто не берется делать, потому что не к чему цеплять – ушей нет. Можно, в принципе, вырастить еще и уши на пальце, но я люблю тишину и сильно страдаю от постороннего шума. А с новыми ушами я стану слышать ещё больше всякой ненужной чепухи. Поэтому я пока пытаюсь выправить недостаток зрения гимнастикой для глаз.

– Забавно, – хмыкнул герцог. – С таким пальцем можно карты подсматривать, когда тасуешь колоду. Хотя нет. Какой простофиля доверит вам тасовать колоду, если у вас на пальцах глаза?

– С вашего позволения, ваша светлость, до того как меня забрали в волшебники, я работал врачом. И часто говорил себе: эх, был бы у меня глаз на пальце!..

Герцог снова задумался.

– Ваша работа крайне важна. Поэтому ее обязательно надо продолжать. Нам нужны глаза не только на пальцах. Нам нужны глаза повсюду: на домах, деревьях, заборах. Нам нужны летающие глаза, плавающие глаза, наконец, глаза подземные. А еще нам нужны уши. Везде должны быть наши уши. Впрочем, с ушами мы разберемся потом...

Бородатый ничего не отвечал, а лишь обреченно кивал герцогу.

Следующий студент был огромный сутулый детина с рябым лицом. Один глаз смотрел вверх, а другой – вниз, и от этого выражение его лица было каким-то беспомощным и зверским одновременно.

– Мой черед рассказывать? – рыкнул детина.

– Да, прошу вас, – ответил герцог.

– Напоминатель снов. Машинка такая, – и зверский детина достал из-за пазухи непонятный предмет, то ли заплесневелый пирожок, то ли замшелый камушек, и сунул под нос герцогу.

Герцог поморщился. Пахло от машинки гадко.

– Когда человек просыпается, – начал объяснять детина, яростно почёсывая рябую щеку, – он помнит только одну десятую часть своих снов. Остальные забывает. А это безобразие. Чтобы его больше не допускать, я и придумал свою машинку. Работает так. Прикладываете к сердцу, садитесь на лавку и смотрите, что происходит вокруг. А вокруг происходят сны, которые снилось вам в последнюю ночь. Вот эти кнопочки – вперед и назад чтобы перематывать. Те, кто находится рядом, тоже смогут смотреть. Сны теперь можно не только рассказывать, но и показывать.

– Вы уже проверяли свой прибор в действии? – поинтересовался герцог.

– Тысячу раз. На крысах. И несколько раз на друзьях.

– И что же снится крысам?

– То же, что и людям. Светлая жизнь. А когда перегрузят желудок – кошмары. Хотите, можем и на вас испытать. Это безопасно. Ни одна крыска еще не сдохла. Гантимур, профессор наш, подтвердит. Только он болеет, нам сказали.

– Я бы с огромной радостью подвергся испытанию, – улыбнувшись, ответил герцог, – но ведь мне прошлой ночью могла присниться какая-нибудь государственная тайна. Поэтому одолжите мне эту вашу штучку на вечерок, я после работы наедине погляжу.

Детина призадумался, оглянулся на товарищей и, подозрительно глянув на герцога, протянул ему своё изобретение.

– Только смотрите, верните.

Диктатор отступил на несколько шагов, чтобы положить машинку на стоящий в стороне столик, а затем вернулся к изобретателю и взял его за локоть.

– Разрешите вас поздравить! Сны – это крайне сложное явление. И то, что вы научились их записывать, достойно всякого восхищения. Но ведь если вы создали воспроизводитель снов, можно создать и воспроизводитель мыслей?

– Как это? – нахмурился детина.

– Ну, вот вы сидите на стуле и никого не трогаете. А напротив сижу я и тоже никого не трогаю. Вы о чем-то думаете. Например, вспоминаете, сколько лет вашему дедушке и есть ли он у вас вообще. Я нажимаю кнопочку и вижу все ваши мысли.

Детина уставился на герцога. Глаза детины перестали косить.

– Но ведь подглядывать чужие мысли нехорошо.

– Отвратительно! Абсолютно с вами согласен. Поэтому и спрашиваю. Может ли какой-нибудь волшебник, если он непорядочный человек, сконструировать угадыватель чужих мыслей?

– Сможет, если захочет, – ответил детина. – Это гораздо легче, чем напоминатель снов. Сны тоньше и пугливей, чем мысль бодрствующего человека. Улавливать мысли, даже очень сложные, по сравнению со снами – тьфу, семечки щелкать.

– Да! – герцог усилил голос и чуть отступил назад, чтоб его хорошо слышали все. – Волшебство – это не только высокий профессионализм, но и громадная ответственность перед обществом!

... Во время приёма Тахо ознакомился со всеми двенадцатью дипломными работами, студентов созданного им института. Он похвалил каждый проект, но в каждый попросил внести изменения.

После встречи диктатор пригласил к себе румяного советника Помпилиуса.

– С этого дня студенты переводятся на положение арестантов, – сказал он. – Все они должны сидеть под замком и работать, работать, работать, как рабы на галере. Пусть они сладко едят, но не пьют ни капли вина. Общение с посторонними категорически запрещается. Что слышно о Гантимуре?

– Гантимур, ваша светлость, пойман зублянскими гвардейцами и заточён в Башню говорящего осла, – ответил румяный советник Помпилиус, пятерней убирая назад свои густые курчавые волосы

– Чёрт бы побрал и этого Гантимура, и эту башню, и всех ослов в мире, говорящих и молчащих в тряпочку!

Глава 14. Роль для Костиной мамы

Режиссёр Миниюбкин и Костина мама сидели в обвитой плющом беседке загородного ресторанчика и ждали, когда им принесут заказ. Миниюбкин нервничал и елозил по табуретке, а мама выглядела необыкновенно красиво и загадочно. Красива она была, потому что такой уродилась, и тут уже ничего не поделаешь, а загадочной она казалась из-за постоянного ощущения, что она забыла что-то важное, и это «что-то» надо срочно вспомнить.

Миниюбкин же привык, что это он сам загадочный человек во вселенной. И с одной стороны ему было жутко обидно за свою загадочность, а с другой стороны ему хотелось, чтобы Костина мама наконец поняла, насколько притягательна его мятежная натура. Поэтому он и нервничал.

Специально для Костиной мамы режиссёр велел сценаристу присочинить небольшую, но яркую рольку. И сценарист придумал такой любопытный сюжетный ход. Девушка с пляжа и белобрысенький паренек, который спас ее от хулиганов, само собой, начинают дружить,

и дело уже пахнет свадьбой. А те хулиганы оказываются членами тутошной мафии. И они решают отомстить белобрысенькому за то, что он женится на такой красавице, а они – нет.

И вот глухой ночью в подворотне хулиганы во второй раз нападают на паренька, когда он провожает свою подругу до дома, и задают ему трепку. Паренек как может отбивается, его невеста визжит как ненормальная и вот-вот грохнется в обморок, а людей вокруг как назло никого. Но тут появляется Костина мама и велит бандитам проваливать.

Дело в том, что мама – дочь главного мафиозо, а когда-то училась с пареньком в одном классе и была в него не на шутку влюблена.

Хулиганы вынуждены подчиниться дочери своего хозяина. Мама на прощанье гладит избитого белобрысенького по щеке, дает поскуливающей девушке носовой платок, чтобы та вытерла слезы и хорошенько высморкалась, и таинственно растворяется в ночи.

Мама блестяще справилась с ролью, как будто раньше только тем и зарабатывала на пропитанье, что изображала дамочек, у которых папаша бандюга. И Миниюбкин уговорил маму отпраздновать эту небывалую творческую победу.

И вот в обвитой плющом беседке загородного ресторанчика Костина мама, новоиспечённая актриса, задумчиво теребила салфетку и тужилась вспомнить, кто она такая, а выдающийся деятель экрана Миниюбкин елозил по стулу, и нервничал, и не знал, признаваться ему в любви или можно обойтись без этого.

Но все душевные терзания и мамы, и знаменитого мастера культуры не шли ни в какое сравнение с тем, что переживал третий участник сцены – кот Аттила. Одна из стен беседки была вся в полках, на которые хозяева заведенья поставили глиняных кувшинов и мисок – для красоты. Аттила забрался на самую верхнюю полку и с высоты наблюдал, как этот лысый обормот в панамке ухлёстывает за женой его хозяина.

С того утра, когда Костина мама очнулась от волшебного сна и, не помня, кто она такая, пришла на пляж смотреть, как снимают кино, прошло четыре дня. Всё это время Аттиле казалось, что у него вот-вот случится разрыв его кошачьего сердца.

Одно дело следить за спящей на диване женщиной и совсем другое – за той, которая, забыв обо всём на свете (в самом прямом смысле этих слов), бегаёт сниматься во всяких там сериалах.

Совесь Аттилы была чиста, и виноват во всем был Гантимур. Тяп-ляп и заколдовал, называется. И Аттила вообще имел полное право плюнуть на всё, разлечься на журнальном столике, включить телевизор и ждать, чем вся история закончится. Но в том-то и дело, что он любил своих хозяев и ни о какой лежки у телевизора не могло быть и речи.

Аттила видел, что этот хлыщ Миниюбкин старается, чтобы мама в него влюбилась. И хотя маме Миниюбкин совсем не нравился, Аттила был мудр и знал, что с женским сердцем играть опасно. Как с гранатой.

Он всё время думал, а не рассказать ли маме всю правду: про то, что её муж принц, а сына украли и так далее. Но пока склонялся к мысли, что лучше молчать. Во-первых, мама не знает, что её кот умеет говорить и может слишком сильно напугаться. Во-вторых, новости, которые Аттила расскажет ей про мужа и сына, получатся не самые приятные. А в-третьих, вдруг Гантимур вернётся без Кости или вовсе не вернётся? Лучше уж тогда она ничего не помнит, как и завещал великий Гантимур.

И Аттила пока просто наблюдал.

– Ваша игра произвела на меня впечатление, – говорил Миниюбкин маме, наливая ей в бокал вино. – Нет, я скажу больше: вы станете украшением этого кино. И вот я сижу и думаю: раз уж ваша роль получается такая яркая, может быть, сделать ее подлиннее?

Любая бы другая актриса от такого предложения как минимум подпрыгнула бы на стуле, а то и вовсе бросилась бы танцевать впрысдку и расцеловывать режиссёра за его феноме-

нальное творческое чутьё. Но мама была ненастоящей актрисой. Она просто пожала плечами и ответила:

– Давайте попробуем.

– Но тут есть одно обстоятельство, – продолжал коварный Миниубкин. – Съёмки на море мы заканчиваем и продолжим в Москве. Поэтому, если вы согласны работать с нами дальше, собирайтесь в дорогу.

Мама слегка нахмурилась и попыталась припомнить хотя бы одну причину, по которой ей следовало бы безвылазно сидеть в этом городе. Таких причин на ее памяти не оказалось. Она снова пожала плечами и сказала:

– Что ж, попробуем работать дальше.

В душе Миниубкина мгновенно расцвели ландыши, захлопали крыльями бабочки-капустницы и зачирикали всевозможные пигалицы. Аттила же похолодел от ужаса.

От досады он царапнул стоящий рядом глиняный сосуд, и из-под его коготков выскочила искра. Если вы внимательно читаете мою писанину, то обратили внимание, что когти у Аттилы были не совсем простые. Он уже один раз наколдовал с их помощью себе на обед мышку. Но это и понятно: если у вас хозяин, например, художник, то автопортрет от натюрморта с какой-нибудь несчастной морковкой вы уж кое-как, но отличите. Ну а если ваш хозяин – волшебник, то ничего странного, если вы усвоите от него с полдесятка каких-нибудь простеньких чудес.

Искра из-под Аттилиного когтя полетела через всю беседку и приземлилась Миниубкину за шиворот. В этот момент он, подняв бокал с вином, собирался сказать торжественную глупость про творческий союз двух одиноких душ.

Почувствовав у себя за шиворотом пожар, Миниубкин выпучил глаза, скатал губы в трубочку и тоненьким голосом запел «у-у-у!» Затем вскочил со стула, отчаянно махая руками, заскакал по беседке, как петушок, который хочет взлететь ввысь. Как назло в это время официант вносил тарелки с горячим. Руки Миниубкина каким-то макаром оказались у официанта под мышками. Содержимое тарелок вылилось режиссеру сзади на спину и штаны. Кто-то из них оступился, и, они, обнявшись крепче двух друзей, выкатились из беседки. Причем официант продолжал держать пустые тарелки в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.